

КОРОЛЕВА  
исторического романа



Анастасия  
Туманова

Роковая  
красавица

Цыганская сага

Анастасия Туманова

**Роковая красавица**

«Автор»

2010

**Туманова А.**

Роковая красавица / А. Туманова — «Автор»,  
2010 — (Цыганская сага)

ISBN 978-5-699-67313-1

Весела и богата Москва конца XIX века: пышно гуляют купцы, шумно кутят дворяне. Им поет цыганский хор. Щедрой рукой бросают промышленники и аристократы под ноги цыганам подарки, деньги... Но всех удивил князь Сбежнев, посватавшись к одной из хористок, красавице Насте. И стала бы роковая красавица княгиней, дана свою беду влюбилась в нищего таборного цыгана Илью... Что теперь станет с ними и куда приведет их шальная судьба – один Бог ведает!

ISBN 978-5-699-67313-1

© Туманова А., 2010

© Автор, 2010

# Содержание

Пролог	6
Глава 1	13
Глава 2	19
Глава 3	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

# Анастасия Туманова

## Роковая красавица

© Туманова А., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

*Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.*

\* \* \*

## Пролог

Вечер 6 июля 1878 года был теплым и тихим. Красное солнце опускалось за Серпуховскую заставу, и последние лучи гасли один за другим на далеких куполах Данилова монастыря. Шумные толпы людей и скота, заполнявшие Серпуховку днем, сильно поредели: в Москву тянулся лишь припозднившийся соляной обоз и цепочка богомольцев, а из Москвы катилась, подпрыгивая на ухабах, одинокая пролетка. Она миновала разбитые телеги с солью, оборванную и загорелую толпу «божьих людей» и остановилась посреди пустой дороги. Извозчик обернулся к седоку:

– Глянь, Трофимыч, вон они – ваши. Приехали, вылазь.

В полуверсте от дороги, над скошенным полем, поднимались дымки костров, виднелись цыганские кибитки, полотна шатров. Оттуда доносились гортанные голоса, ржание, лай собак.

– Нашли где встать, голоштанники, – кивнул извозчик на полосатый придорожный столб. – Им тут и горка, и речка – ночуй не хочу. А завтра всем шалманом на Конную заявятся. Не ходил бы, Трофимыч... Загуляешь – ищи тебя потом, мучайся. Поехали лучше до дому, Трофимыч, а?

Трофимыч, которому на вид было не больше тридцати, отмахнулся и легко, по-мальчишески выпрыгнул из пролетки. Он был невысок, широк в плечах, одет в новую черную пару, из-под которой виднелась голубая шелковая рубашка и тянущаяся по животу золотая цепочка часов. Котелок был лихо сбит на затылок, из-под него буйно лохматились густые черные волосы.

Не сводя глаз с табора, пассажир протянул извозчику два гривенника.

– Держи. Завтра за мной приедешь. К нашим заскочи, скажи – в табор уехал. И того... нашим-то скажи, а Яков Васильичу – молчи. Понял?

– Чего не понять... – буркнул извозчик. – Не впервой. Ох, прости господи, вот гуляющая душа... Не запей смотри!

– Не беспокойся, – донеслось уже с середины поля. Извозчик некоторое время не трогался с места, провожая глазами черный котелок, затем, кряхтя и поглядывая на темнеющее небо, принялся разворачивать лошадей.

На пути пассажиру пролетки попала девушка лет двадцати в красном, прорванном на локтях платье. Она ползала на коленях по скошенному жнивью, собирая в подол рассыпавшуюся картошку. Ее небрежно заплетенные волосы падали вниз, и было видно, как под тканью платья по-птичьи двигаются худые лопатки. Услышав шаги, она быстро, как зверек, повернулась всем телом. С некрасивого лица блеснули настороженные глаза. Пришедший остановился, улыбнулся.

– Митро?.. – Девушка, вскочив, всплеснула руками. Картошка посыпалась на землю. – Дмитрий Трофимыч! Митро! Ты? Ты?!

– Я, девочка. Т'явес бахталы<sup>1</sup>. Как ваши, все здоровы?

– А что им будет? Ай, да я побегу скажу! Вот радость-то! Радость какая! – Последние слова девушка выпалила уже на бегу, и вскоре ее красное платье мелькало у кибиток. – Ромалэ, ромалэ! – зазвенело над полем. – Митро явья!<sup>2</sup>

Усмехнувшись, Митро подобрал со жнивья несколько картофелин и пошел следом.

У стоящих полукругом шатров его встретила толпа: собрался чуть ли не весь табор. Цыгане сдержанно улыбались, шевелили кнутовищами скошенную траву, из-за их спин выглядывали босоногие женщины. Чумазые дети бесцеремонно рассматривали гостя.

---

<sup>1</sup> Будь счастлива (цыганское приветствие).

<sup>2</sup> Митро пришел! (Здесь и далее – слова и фразы на цыганском языке.)

– Т'явэн бахталэ, ромалэ, – обращаясь ко всем сразу, степенно сказал Митро, замедля шаг. – О Ваня, Петька – здорово! Дядя Паша! Чтоб ваши кони сто лет сыты были!

Цыгане весело зашумели. К Митро протянулось сразу несколько рук, кто-то сунулся обнять, кто-то без обиняков пощупал золотую цепочку, одобрительно хмыкнув, кто-то во весь голос принялся распоряжаться:

– Эй, воды принесите, самовар, живо! Скорее вы, сороки! Что там с ужином? Перед гостем не позорьтесь, проклятые!

Женщины бросились к шатрам. Загалдевшим детям Митро сунул горсть конфет, пряники, дал несколько мелких монет, улыбнулся на благодарные слова матерей. Обернувшись на негромкий оклик, зашагал к крайнему шатру.

Дед Корча не встал ему навстречу – лишь протянул морщинистую коричневую руку и жестом пригласил сесть рядом. Густые волосы с сильной проседью падали старику на плечи, усы и борода возле губ были желтыми от табака. В вырезе широко распахнутой рубахи мелькала загорелая грудь. Темно-карие, блестящие, по-молодому живые глаза улыбались гостю.

– Будь здоров, морэ. Снова к нам? Варька из-за тебя на весь табор раскричалась. Сейчас ужинать будем. Эй, бабы, трубку!

У огня суегились несколько женщин. На окрик старика метнулась самая молодая из них, влетела в шатер, чинно вынесла из него длинную трубку, подала, перекидывая из ладони в ладонь, уголек из костра.

– Видишь – сына женил, – объяснил дед Корча, прижимая большим пальцем – сплошной мозолью – уголек в трубке. – Хоть и не принято невестку хвалить, но – чистое золото.

Молодуха вспыхнула, торопливо отошла к костру. Старик проводил ее довольным взглядом. Весь табор был семьей деда Корчи, и если число своих детей он помнил твердо – двенадцать, а подсчитывая внуков, колебался между четырьмя и пятью десятками, то невесток, зятьев, племянников и правнуков не пытался даже перечислить. Упомнишь их всех разве? Здоровы – и слава богу.

Митро опустился на вытертый до основы, покрывшийся росой ковер. Из уважения помолчал, дожидаясь, пока старик раскурит трубку, отыскал глазами красное платье Варьки. Девушка возилась над котелком у соседнего шатра. Поймав взгляд Митро, несмело улыбнулась и тут же, спохватившись, сжала губы, прикрывая некрасивые, выпирающие вперед зубы. Митро бросил ей подобранную картошку. Варька ловко поймала ее в фартук, высыпала в помятое ведро, понесла к огню.

Дед Корча выпустил изо рта клуб дыма. Покосившись на Митро, чуть заметно усмехнулся:

– Вижу, опять за тем же приехал.

– За тем же, – не стал отпираться Митро. – Голос... Голос ее жалко, понимаешь, морэ? Не в обиду будь сказано, только кому он тут нужен?

– Что, в хоре своих голосов не стало?

– Почему, есть... – Митро не мигая смотрел в бьющееся пламя. – Что Смоляко говорит?

– Илья-то? А что он скажет... Не знаешь его? Одни кони в голове. Весной на Кубани стояли, так он целый косяк откуда-то пригнал. Тем же месяцем на ярмарке сбыли, большие деньги взяли. Меняет, продает – настоящий цыган! Зачем ему в город?

– Кофарить<sup>3</sup> и в Москве можно.

– А как же, слышали... – В сощурившихся глазах старика пряталась насмешка. – Как понаедут в табор хоровые, в золоте все, носы до небес задирают – господа! Асами такие же кофари, как наши. Еще и не знаешь, кто на ярмарках громче орет. У ваших-то голоса покрепче!

---

<sup>3</sup> Барышничать.

Митро пожал плечами, промолчал. Над полем спускались сумерки. С недалекой речушки потянуло туманом, в небе робко, по одной зажигались первые звезды. Мимо шатра, смеясь и болтая, пробежала стайка девушек – рваные юбки, босые ноги, увядшие ромашки и васильки в спутанных косах. Одна из них окликнула Варьку, и та, вскочив, кинулась следом. В посвежемшем воздухе отчетливо слышалось стрекотание кузнечиков.

Со стороны реки донесся нарастающий конский топот. Дед Корча подмигнул Митро:

– Вон скачут. Поговори с ним сам, может, послушает.

Из тумана, ворвавшись в очерченный костром круг света, галопом вылетели всадники. С десяток молодых цыган, еще мокрых, взлохмаченных, на ходу попрыгали с лошадей, и тишина разбилась смехом, криком и ржанием.

– О, Митро! Арапо!<sup>4</sup> Чтоб тебе золоту счет потерять, здравствуй!

– Будьте здоровы, чавалэ. Чтоб ваши... – начал Митро обычное приветствие и, перебивая самого себя, вдруг со страстным стоном выдохнул: – О, дэвлалэ, дэвлалэ, дэвлалэ-э-э...

Одним могучим прыжком он вскочил с ковра. С расширившимися глазами сделал несколько шагов к лошади, которую сдерживал под уздцы один из парней. Зажмурившись, схватился за грудь, словно ему не хватало воздуха. Цыгане вокруг понимающе усмехнулись, отошли, давая посмотреть.

Это был красивый чагравый<sup>5</sup> жеребец с тонкими, сильными ногами, крутой шеей и густой нестриженной гривой. Еще разгоряченный после скачки, он не желал униматься, перебирал копытами, просился на волю, умоляюще кося на хозяина фиолетовым блестящим глазом. Жадный, опытный взгляд бывшего кофара мгновенно определил: порода! Митро проворно залез под брюхо коня, завертелся там, восхищенно вздыхая. Дрожащим от нежности голосом запросил:

– Но-о-ожку дай, ножку, ножку... Ах ты, душа моя, красавец, солнышко... Ах ты, маленький, серебряный мой... Всех бы баб за тебя, сестер всех отдал бы... Ни одна, дурища, не стоит... Илья! Смоляко! Где взял?!!

Цыгане негромко рассмеялись, но Смоляко<sup>6</sup> даже не улыбнулся. Лишь пожал плечами и любовно отер круп коня рукавом рубахи. Он, как и его сестра Варька, не был красив. Крутые скулы, жесткий подбородок, большой нос с горбинкой, мохнатые брови, сросшиеся на переносице, делали Илью старше его двадцати лет. В черных, чуть раскосых глазах с голубоватым белком никогда не мелькало улыбки. Темная, редкая даже для цыган смуглота лица полностью оправдывала прозвище. В курчавых волосах парня еще блестела вода, на груди, чуть ниже худых, сильных ключиц, светился крестик на истлевшем шнуре. С минуту он молча наблюдал за копошащимся под брюхом жеребца Митро. Затем спросил:

– Заночуешь там, брат? Скажи, Варька подушку принесет...

Цыгане грохнули хохотом. Взлохмаченный Митро выбрался на траву, встал, не сводя с коня глаз.

– Меняешь?! Душу положу! На колени встану!

Илья мотнул головой, но Митро не унимался:

– Двух донских трехлеток за негодом! Завтра на Конную приходи, поглядишь! Золото, а не кобылки, не пожалеешь! Дорогой ты мой, все, что хочешь, отдам! Ну – по рукам?

Илья отвернулся. Митро подозрительно сощурился, прикидывая – не пытается ли тот набить цену. Но некрасивое лицо парня не выражало ничего. Митро, разом сгорбившись, опустился на траву, огорченно вздохнул. Долго молчал. Наконец, собравшись с силами, выговорил:

– И черт с тобой. Сам катайся... Менял или так взял?

---

<sup>4</sup> Прозвище от «арап». В среде цыган прозвища заменяли фамилии и иногда даже имена.

<sup>5</sup> Пепельной масти с черными гривой и хвостом.

<sup>6</sup> Прозвище от «смоляной».

– Взял под Орлом, у гаджо<sup>7</sup> из усадьбы, – в голосе Ильи проскользнула чуть заметная хвастливая нотка. – Остальных продал. А этого... Ну не могу его менять!

– Еще бы... – Митро, не выдержав, снова встал, ласково погладил большую голову жеребца, бережно выпутал из гривы комок репейника. – Только таких лучше сразу сбывать, а то мало ль что...

– Месяц прошел. Не найдут.

С лошадей разговор сам собой перешел на московскую конную торговлю; в него охотно вступили и другие цыгане, кружком рассеявшиеся у шатра деда Корчи. Над табором совсем стемнело, перед каждой кибиткой легли дрожащие круги света. Костры догорали, обращались в угли. По лицам цыган прыгали красные блики. Варька сидела у котелка, задумчиво мешала в нем ложкой. Поглядывая на шевелящиеся у полога шатра тени, запела:

Ай да, мири доля, мири бедная...  
Пропадаю мэ, ромалэ, боже мой...

Сильный низкий голос поплыл по табору. Разговор у шатра деда Корчи прекратился. Митро оторвался от чагравого жеребца, обернулся, пристально посмотрел на Варьку. Вполголоса подтянул:

Пропадаю ни за что, хорошая моя...

Варька просияла и забрала вдруг так высоко и щемяще, что Митро, смущенно осекшись, умолк. Кто-то другой, от соседнего шатра, подхватил песню, затем вступили еще несколько голосов. Цыгане один за другим подходили к углям. Песня поплыла в черное поле, высоко над которым стояла луна. Митро слушал, закрыв глаза, силясь проглотить вставший в горле комок. «Ах, черт... Ах, черт...» – повторял он про себя. По спине бежали мурашки.

– Что, в Москве не так поют?

Митро вздрогнул, очнулся, повернулся на голос. Стоящий рядом Илья не пел. В темноте его лицо казалось совсем черным, ярко блестели белки глаз.

– Знаешь, чаво<sup>8</sup>, кто ты? – помолчав, спросил Митро.

– Ну?

– Пень безголовый. Не обижайся. Сто раз я тебя просил! Сам знаешь, сколько наших на конных барышничают. Без лошадей не останешься, не бойся. А то, что Варька в хоре большие деньги будет получать, – забожиться могу.

– Опять? – сердито спросил Илья. – Я тебя тоже прошу – хватит с этим! Варьку – в город? Перед пьянью в кабаке кривляться? За деньги?!

– Да ты рехнулся?! – взорвался Митро. – Кто ее кривляться заставит, голова дубовая! Мозгами-то пораскинь, чаво, я дело говорю, а ты!.. Ну и сиди здесь, лошадям хвосты крути! Что ты здесь имеешь, сам скажи... Бричку эту? Шатер драный? Две клячи на трех ногах?!

– Клячи?! – взвился Илья. – У меня – клячи?! Сам ты на трех ногах!

Митро вскочил. Они стояли грудь к груди у догорающих углей, уже готовые вот-вот сцепиться. Но дед Корча негромко покряхтел, не поднимая головы, и Митро сразу пришел в себя.

– Молодой еще грозить мне, – сказал он спокойно. Отвернулся, заговорил о чем-то с подбежавшими цыганами и пошел с ними прочь.

Илья, сжав кулаки, смотрел ему вслед. У его ног на огне бешено бурлил котелок.

– Варька, ослепла?

---

<sup>7</sup> Нецыган. Здесь – господин, барин.

<sup>8</sup> Парень.

– Вижу, – сдавленно сказала сестра, наклоняясь над варевом.

Илья сумрачно смотрел в огонь. Сквозь зубы спросил:

– Чего ревешь, дура?

– Ничего, – не поднимая головы, прошептала Варька. – Сейчас готово будет. Садись.

– Не хочу, – зло сказал он. Шагнул через угли и исчез в темноте.

От табора Илья ушел к реке. Здесь, на излучине, туман рассеивался, и серебристая лунная дорожка бежала по черной воде к заросшему камышом берегу. Тоскливо кричали лягушки. Над головками камышей бесшумной тенью пролетел лунь. Внезапный порыв ветра донес от табора отзвуки голосов, лошадиного ржания, а через минуту все стихло. Илья отошел к копне сена, сметанной кем-то у самого берега. Сел в сырую от росы траву, обхватил колени руками. Задумался.

За спиной послышались медленные шаги. Илья обернулся. Увидев приближающегося деда Корчу, растерянно вскочил.

– Сиди, – махнул рукой тот, с кряхтением опускаясь в траву. Но Илья не решался сесть, и старику пришлось потянуть его за рукав. – Садись, говорят тебе. Ну и роса сегодня! Завтра жарко будет...

Илья настороженно молчал.

– Что Арапо? Обиделся? – наконец спросил он.

– Много чести – обижаться на тебя. Совсем совесть потерял?

Илья опустил голову. Сорвал головку репейника, повертел ее в пальцах.

– Не хочу в город.

– Не хочет он... – хмыкнул старик. – Привяжут тебя там, что ли? Не понравится – вернешься. Мы зимовать все равно под Смоленск поедем. Тебе какая разница, где на печи лежать – там или в Москве? О сестре подумал бы...

– А что, я не думаю? – буркнул Илья. Отвернулся, уставился в темноту.

Они с Варькой родились в один день, в крестьянской избе. Мать зашла туда погадать и, внезапно почувствовав схватки, попросила разрешения прилечь на лавку. Стояла осень, ледяная, промозглая. Сжатые поля поливал дождь. Ганга мучилась родами двое суток, и табор ждал ее на околице села, умирая от нетерпения и спора: на кого будет похож новорожденный? Ганга была красавицей, но при одном взгляде на ее мужа нестерпимо хотелось перекреститься. На третьи сутки измученная Ганга разрешилась двойней. Цыганки долго рассматривали орущие коричневые комочки и разочарованно вздыхали, глядя на девочку: «Вот горе-то – точный отец! Гришка, как девку выдавать будешь?»

«Выдам, ничего», – невозмутимо отвечал муж Ганги.

Ганга так и не оправилась после родов. Два месяца она еще как-то держалась на ногах – высохшая, бледная, утратившая красоту, – а зимой, возвращаясь с цыганками с базара, вдруг без единого слова рухнула на снег. Кое-как ее дотащили до деревни, но Ганга больше не пришла в себя и к ночи умерла. Григорий остался один с двумя детьми.

Он не женился во второй раз. Детей воспитывали сестры жены, а позже подросший Илья стал увязываться за отцом на конные базары. Там он научился всему – менять, продавать, до хрипоты орать и размахивать кнутом, вертеться между продавцом и покупателем, выискивать в лошади мельчайшие недостатки, хвалить явные и мнимые достоинства, искусно прятать бьющие в глаза изъяны, набивать или сбрасывать цену, требовать магарыч и хребтом чуют, в какой момент пора уносить ноги. Он до сих пор помнил скупую похвалу отца: «Настоящий цыган, чаво». Большого Илье не нужно было.

Им с Варькой было по четырнадцать, когда отец попал в тюрьму в Ярославле. Во время кабацкой драки, где сцепились ямщики и цыгане, кто-то убил человека. Прибежавшие квартальные сумели задержать только мертвецки пьяного Григория. Он не помнил ничего, упорно

не признавал своей вины, но кто сумел бы оправдать похожего на черта цыгана, пойманного на месте преступления с ножом за голенищем? На лезвии нашли стертые следы крови, но Григорию так и не удалось доказать, что накануне он помогал соседке разделять поросенка. Его угнали на каторгу. А спустя месяц незнакомые цыгане рассказали притихшему табору о том, как при первой же остановке этапа Григорий попытался бежать и был застрелен конвоиром. Илье остались кибитка, шатер, четыре подушки, пара гнедых «краснобежек» и некрасивая сестрица, которую уже пора было пристраивать замуж.

Илья не мог не сознаться сам себе: никого страшнее Варьки свет не видел. С каждым годом они оба все больше становились похожими на отца. Большой нос, крупные зубы, резкие скулы, темная, словно сожженная, кожа не очень портили Илью, но лицо пятнадцатилетней девочки делали просто отталкивающим. Немного вырुчали ее глаза, доставшиеся от матери, – огромные, влажные, с длинными ресницами, от взмаха которых на щеки Варьки ложилась густая тень. Илья понимал: с рук ее не сбыть. Можно было бы поправить дело, дав за сестрой баснословное приданое. Однажды, после удачной ярмарочной недели, Илья намекнул ей на это. И калялся до сих пор. Варька спокойно сказала: «Делай как знаешь», – а ночью Илья слушал ее глухие рыдания в подушку и, стиснув зубы, клялся про себя: больше ни слова о замужестве, о приданом, – пусть сколько хочет сидит вековушей.

Но чего было у Варьки не отнять – это голос. Он прорезался у нее годам к двенадцати – низкий, сильный, хватающий за душу. Даже привыкший к нему Илья временами чувствовал, как замирает его сердце от Варькиного «Ай, доля мира...». Стоило табору остановиться в каком-нибудь городе – и к Илье являлись хороводы, узнававшие от цыган о сказочном голосе некрасивой девочки. Дольше остальных упорствовал Митро – дальний родственник из Москвы, племянник известного хоровода из Грузин. Но Илья всем отказывал наотрез – представить себе сестру, свою Варьку, распевашей в трактире для пьяных купцов, он не мог. Варька не спорила с братом. Просто продолжала петь – русские песни, подслушанные в деревнях, романсы, перенятые у городских цыган, протяжные долевы... До сегодняшнего дня Илье и в голову не приходило, что она хочет в город.

– Ну, не знаю, – растерянно протянул Илья на упрек деда Корчи. Выронив репейник, запустил обе руки в волосы. – Арапо в хоре не хозяин. Может, Яков Васильич ее послушает и скажет – своих таких немерено. Что тогда? Кому она там нужна?

– Кому? – Дед Корча шлепнул комара на щеке. – Не знаю. Здесь-то, в таборе, – всамделе никому. Жаль будет, если пропадет. Девочка хорошая.

Илья молчал.

– Я тебя не заставляю, спаси бог. Сам думай. Ты ей хозяин. Как решишь, так и будет.

Старик выколотил трубку, сунул ее за пояс, ушел. Илья остался у стога. Лежал на спине, чувствуя сквозь рубашку колкие стебли, смотрел в черное полное звезд небо. Незаметно уснул.

Его разбудила пробравшая до костей роса. Светало, река и раkitник утонули в молочном тумане, звезды таяли, бледная краяха луны спускалась к дальним холмам. Дрожа от холода, Илья вскочил, передернул плечами. Поеживаясь, направился к табору.

Варька уже была на ногах – из-за кибитки доносилось негромкое пение и звон посуды. Из шатра слышался раскатистый храп. Илья откинул заплатанный полог.

Митро спал на спине, разметавшись по старой перине. В его волосах запуталась солома и подушечные перья, шелковая рубашка была испачкана травой, черными пятнами от угля, но золотая цепочка сияла на своем месте. Илья вполголоса позвал:

– Морэ, вставай.

– Что – рая<sup>9</sup> приехали? – сквозь сон пробормотал тот. Сел, встревоженно огляделся. Увидев Илью, помотал головой, зевнул: – Что будишь-то, черт?..

– Дело есть.

Вдвоем они вышли из шатра. Митро сердито тер кулаком глаза, бурчал о своей несчастной жизни, в которой нет ни капли покоя, и не сразу понял, о чем говорит Илья. Тому пришлось повторить. Сообразив, о чем речь, Митро вытаращил глаза:

– Отдаешь? Отдаешь чагравого?

– Угу.

– Вправду?! – Митро подпрыгнул на месте, с радостным воплем вцепился в Илью, взмахнул руками: – Ну, братец мой, в Москве вот такую свечу за твое здоровье в церкви воткну! Говори цену! Все отдам и торговаться не буду! Двух донских, как обещал, и еще...

– Так бери.

Митро осекся на полуслове.

– Шутишь?

– Нет, – Илья боялся, что передумает, и говорил быстро, косясь в сторону. – Забирай, чего уж. До осени так похожу. А после Спаса Варьку в Москву привезу. Поможешь устроиться?

Митро недоверчиво разглядывал его. Изо всех сил соображая, что за стих нашел на парня за ночь, сумел только спросить:

– А сам-то?.. Останешься в Москве?

– И сам, – мрачно ответил Илья. Развернулся и пошел к лошадям.

Митро растерянно смотрел ему вслед.

---

<sup>9</sup> Господа.

## Глава 1

Сентябрь был теплым и тихим. Неяркое солнце сеялось сквозь поредевшие кроны кленов на московских бульварах, зайчиками скакало по пыльным стеклам купеческих особняков в Замоскворечье, тонуло в палых листьях, устилавших мостовые. По небу ползли облака, но дождь не собирался – к великому облегчению Варьки, опасавшейся за свой новый наряд. Ей, привыкшей до первого снега бегать босиком и в рваном платье, было неудобно и жарко в длинной сборчатой юбке, плюшевой кофте и высоких ботинках со шнуровкой, и она то и дело украдкой побряхтывала. Илья искоса взглядывал на нее, молчал. Сам он вырядиться не стал. Сапоги новые, пряжка на поясе блестит – что еще надо?

Миновали Тишинскую площадь, Грузины, трактир «Молдавия». Впереди была видна грязноватая, шумная, почти сплошь заселенная цыганами Живодерка. Илья уже собрался было остановить первого встречного цыгана и справиться, где проживает Митро по прозвищу Арапо, когда из-за ближнего забора до него донесся трубный голос:

– А ну, слазь! А ну, слезай, чертова морда! Нечисть лохматая! Все равно не уйду, пока не свалишься! Я-а-а тебя!..

Илья заглянул через забор. Его взгляду открылся небольшой, поросший травой дворик с желтой лужей посередине, в которой лежал сонный поросенок. По двору бродили тощие куры. У калитки, опершись на трухлявую перекладину, стоял Митро. Илью он не замечал: его внимание было поглощено дородной старухой, которая, задрав голову, стояла под развесистой ветлой у забора и надрывно орала:

– Слезешь или нет, каторжник?! Али мне за будошником идтить?

– Ходи, ходи за ним! – с хохотом издевался кто-то, сидящий в развилке дерева. – Вдвоем за мной и полезете! Подпою, чтоб не скучно было!

– Все едино доберусь! Узнаешь у меня, хитрованец, как по котлам шарить! Узнаешь!

Наблюдавший за сценой Митро что-то пробурчал, шагнул было к ветле, но тут Илья тронул его за плечо:

– Будь здоров.

– О, Смоляко! – обернувшись, обрадовался тот. – А я уж боялся – не явитесь! Ну, слава богу! Как ваши, все здоровы?

– Угу... Это что?

– Что, что... Наказание мое! – буркнул Митро. – Макарьевна, что там у вас опять?

– Вот, Трофимыч, полюбуйся! – повернулась к нему бабка. – Это как же называется? Я его зачем в дом впустила? Чтобы он, образина нечесаная, мясо из котла таскал? Ни днем, ни ночью покою от него нету. Давеча опять околоточный приходил искать!

Митро подошел к ветле. Коротко приказал:

– Слезай.

После минутного молчания неизвестный выдвинул условие:

– Пускай Макарьевна уйдет.

– Тьфу, пропади ты пропадом! – плюнула бабка и размашисто зашагала к дому. Уже с порога погрозила кулаком: – У-у, облизыня хитрованская!

«Облизыня», ловко цепляясь за сучья, спустилась с дерева и оказалась цыганским мальчишкой лет пятнадцати. Спрыгнув на землю, он юркнул было к калитке, но Митро поймал его за ухо:

– Куда?

– Ну, Трофимыч же, ну, дела же у меня, ей-богу! – заверещал тот. – Люди ждут, цыгане! Да пусти, больно ведь!

– Дела?! Сколько тебе говорить, чтоб по Тишинке не шлялся? Выдрать тебя, что ли, еще раз? Зачем околоточный приходил?

– Почем мне знать? Пусти – сбегаю, спрошу... Да что ж такое, морэ! Пусти ухо, мне же выходить, может быть, вечером!

Последний довод, видимо, убедил Митро, и он выпустил мальчишку. Тот обиженно отпрыгнул, потер ухо, одернул задрвшуюся на животе рубашку и как ни в чем не бывало улыбнулся Илье с Варькой. Черные и живые, как у белки, глаза смотрели со смуглой физиономии с веселым любопытством. В курчавых, взъерошенных волосах запутался лист ветлы. Митро протянул руку, чтобы снять его. Мальчишка, углядев в этом прелюдию подзатыльника, сарахнулся в сторону.

– Да не трону я тебя, обалдуй! – рявкнул Митро. – Цыган видишь? Отец с матерью тебя здороваться учили?

– Будьте здоровы, ромалэ, – спохватился мальчишка.

– Чей будешь, чаворо?<sup>10</sup> – с трудом сдерживая усмешку, спросил Илья.

– Кузьма, ярославский, – охотно пояснил мальчишка. – Третий месяц здесь. В тамошнем хоре плясал, а потом сбежал.

– Платили мало? – удивился Илья.

– Жениться не хотел, – насмешливо пояснил Митро. – За него там девочка была просватана, все гулянки ждали, а он за день до свадьбы – в окошко. Явился ко мне, сюда. А мне-то он не чужой, племянник кровный... Что скалишься, проклятие мое? Подождут твои дела, зови в дом.

Домик Макарьевны был небольшим, чистым, с выскобленными полами, домоткаными половиками и недавно вымытыми маленькими оконцами. Хозяйка уже выставила вторые рамы, и в просветах между стеклами лежали красные и желтые кленовые листья. У окна стоял большой некрашенный стол и пара табуреток, вдоль стены тянулись широкие деревянные нары, застланные периной и лоскутным одеялом, поверх которого были брошены две подушки – зеленая и красная. В углу висело несколько икон с теплящейся перед ними лампадкой, на стене – маленькая семиструнка.

– Где остановиться решил? – садясь на подоконник, спросил Митро.

Илья вздохнул. В глубине души он надеялся, что в хор Варьку все равно не примут и через день-два они вернутся в табор. Он даже не стал продавать лошадей, и две гнedyе кобылки дожидались в конюшнях на Серпуховской заставе, у знакомых цыган-барышников. Там Илья и рассчитывал прожить несколько дней.

Услышав про Серпуховку, Митро покачал головой:

– Не годится. Вам надо фатеру здесь, поближе искать. К нам господа ездят, иногда и среди ночи хор поднимают – что же, каждый раз извозчика за Варькой слать? Наши все тут селятся – в переулках, в доходных домах...

– У меня оставайтесь, коли хотите, – весело предложил Кузьма. – Макарьевна недорого берет... Эй, Макарьевна! Макарьевна! Макарьевна!

– Чего тебе? – с кухни появилась хозяйка. – Не голоси, будет сейчас самовар...

– Еще двоих наших возьмешь? Беспокойства не будет, платить станут вовремя, девочка, если надо, по хозяйству поможет... Ну, выручай! Вот и Дмитрий Трофимыч просит... Дмитрий Трофимыч! Арапо!

Митро, спохватившись, закивал. Старуха мрачно задумалась. С ног до головы рассмотрела Илью и испуганную Варьку, скрестила руки на груди, поджала губы в оборочку и подытожила:

– Так тебе и надо, старая дура! Полна хата цыганёв насовалась – радуйся теперь!

---

<sup>10</sup> Мальчик.

Когда ее тяжелые шаги стихли на кухне, Илья озадаченно взглянул на Митро.

– Не беспокойся, – усмехнулся он, вставая. – Она тетка добрая, всегда нашим полдома сдавала. Песни цыганские слушать любит, романсы всякие. Пусть ей Варька споет как-нибудь – и хоть до Страшного суда живите... Ну, морэ, если что – я в Большом доме живу, заходите. А вечером, наверно, наши к тебе набегут. Надо, чтоб все как положено было.

Когда за Митро закрылась дверь, Илья выглянул в окно. На другой стороне улицы в зарослях густой сирени стоял старый, потемневший от дождей дом с мезонином. Сучья большой ветлы, нависая над Живодеркой, почти касались его окон. Илья отошел от окна, вздохнул, прикидывая, во что обойдется вечернее «как положено», и позвал сестру:

– Держи пятерку. Беги на базар.

Цыгане начали сходиться к вечеру. Первыми явились два известных на всю Москву барышника – дядя Вася Грач, прозванный так за черноту и чрезмерную носатость, и его племянник Мишка. Илья давно был знаком с ними по московским конным ярмаркам. Едва усевшись за стол, дядя Вася принялся расспрашивать Илью о «том чагравеньком», про которого Арапо врал на каждом перекрестке, что получил его «ни за что». Последний факт Илья с большой неохотой подтвердил и был вынужден в течение получаса выслушивать мнение бывалых кофарей о своих мозгах. Его спасло появление Митро, пришедшего с целым выводком сестер – молодых, широкоскулых, узкоглазых. Комната наполнилась шуршанием платьев, шушуканьем, смешками, цыганки начали чинно рассаживаться вдоль стола.

Илья украдкой осматривал их наряды. Шелковые и атласные платья, скроенные на господский манер, с талиями и стоячими воротничками, тяжелые шали, шагреновые ботиночки повергли его в уныние. Рядом с этими городскими барышнями его Варька выглядела почти оборванкой. Илья отчаянно пожалел, что сестра не надела тяжелые золотые серьги до плеч и два перстня, оставшиеся от матери. Ведь говорил же ей, сто раз повторил! А она, дура, забыла, теперь позорит его перед этими... Делая вид, что поглощен разговором с мужчинами, Илья искоса поглядывал на молодых цыганок. В их взглядах и словах, обращенных к Варьке, ему то и дело чудилась насмешка. К тому же Варька стеснялась, отвечала коротко, почти шепотом, то и дело краснела. «Вот бестолковая, – мучился Илья, – вот дура таборная... Куда захотела влезть, к кому сунулась? Сидела бы под кибиткой, дым глотала. Певица, черти ее раздери...» Как раз в это время одна из сестер Митро манерно понюхала вино в граненом стаканчике, чихнула, сморщив нос, и, достав из рукава кружевной платочек, изящно помахала им в воздухе. Илья чуть не поперхнулся водкой, отвернулся, скрывая изумление и досаду. Дэвлалэ, да цыганки ли это?

Хлопнула, чуть не сорвавшись с петель, входная дверь. В комнату с радостными воплями ворвалась ватага братьев Конаковых, известных среди цыган как «Жареные черти», и благопристойная тишина взорвалась восторженными воплями и объятиями.

– Илья! Отцы мои – Илья!

– Смоляко! У нас! Да чтоб тебя всю жизнь целовали – Илья!

– Иди, обниму! Будь здоров, мой дорогой, а мы тебя еще к Спасу ждали!

У Ильи немного отлегло от сердца: уж эти-то тряпкой в кружевах перед носом махать не будут. С «чертями» он был знаком давно, и его слегка удивило то, что ребята пришли с гитарами. Неужто тоже поют в хоре?

Варька суежилась вокруг стола. За полдня они с Макарьевной успели наготовить целую гору еды, напечь пирогов, притащили из лавки уйму вина, и все же по лицу сестры Илья видел: волнуется. Но стол был полон, все было вкусно, и цыгане должны были остаться довольны.

Митро снял со стены гитару. Потрогав струны, поморщился, как от зубной боли, грозно посмотрел на Кузьму.

– Сто разговорил – не держи у печи. Отберу к лешему!

– Трофи-имыч... – Кузьма виновато захлопал ресницами. – Что я-то сразу... Она ж на аршин от печи-то...

– Молчи. Стешка, где ты там? Иди пойд.

Из-за стола поднялась одна из сестер Митро – та самая обладательница батистового с кружевами платка. Свет лампы упал на ее грубоватое лицо с густыми бровями и огромным вороньим носом. Илья, в душе уверенный, что страхолюднее его Варьки в хоре не будет, немного успокоился.

– С уважением к дорогим хозяевам... – поклонилась она, но в ее гортанном голосе Илье снова почудилась усмешка.

Митро, перестав настраивать гитару, посмотрел на сестру с неприязнью:

– Вам бы не ее, а Настьку послушать... Вот голос так голос! Обещала прийти. Ну, нет ее пока, можно и эту. Давай.

Стешка фыркнула, поправила на плече складку шали, запела. У нее оказался густой, почти мужской голос, очень не понравившийся Илье. Романса, который пела Стешка, он не знал. Слова были непонятными:

За чудный миг, за жгучее лобзанье  
Я отдала душевный свой покой,  
Сон миновал, и лишь одно страданье  
Царит в душе моей больной.

Через стол Илья поймал тревожный взгляд Варьки, понял, что она думает о том же. По спине побежали мурашки. «Как им петь? Что? Варька, кажется, тоже какой-то романс учила – «Дышала ночь и сахаром, и счастьем...» Вдруг не то будет... Тьфу, опозоримся! Сидели бы лучше в таборе...»

– Эй, Илья! Морэ! – донеслось до него.

Он обернулся. Наткнулся на взгляд Митро.

– Нехорошо выходит – гости поют, а хозяева молчат... – заговорил Трофимыч и добавил вполголоса: – Давай, морэ, ничего... Мы ведь не Яков Васильич.

За столом наступила тишина – смолк даже девичий смех и перешептывания. С подступающим страхом Илья понял – все, кто пришел, ждали именно этого. Даже Митро. Даже братья Конаковы. Он сделал знак Варьке. Та подошла, мелко ступая. Ее некрасивое личико заострилось от испуга.

– Ну, пойд... Прошу – пойд, – прошептал он. – Хоть эту свою, что ли, «ночь с сахаром»...

Варька не смогла даже кивнуть в ответ. На ее лбу выступили бисеринки пота. Стоя у стола и потупившись, она теребила край кофты. Илья недоумевал – почему сестра медлит? И чуть не упал с табуретки, когда Варька внезапно тряхнула головой и взяла отчаянно и звонко:

– Ай, долямири-и-и!..

Господи! Она же совсем не это хотела!.. Илья со страхом уставился на сестру. У той дрожали губы. Голос, обычно красивый и чистый, звучал сдавленно и в конце концов на самом высоком «пропадаю я» – сорвался. Тишина в комнате стала звенящей. Варька замерла, закусив губы. Илья почувствовал, как кровь ударила в лицо. По спине побежала теплая струйка пота. Он понял, что через мгновение сестра повернется и выбежит из комнаты. Но допустить этого нельзя было, и Илья подхватил песню. Громко, в полный голос, как никогда не пел даже в таборе:

– Ай, пропадаю я, хорошая моя!..

Варька вздрогнула, открыла глаза. Улыбнулась посережними губами, и дальше они пели вместе.

Песня кончилась, но в тесной комнате по-прежнему стояла тишина. Ни шороха, ни звука. Илья было уже все равно. Он смотрел в окно, за которым метались от ветра ветви ветлы, думал: «Завтра же в табор уедем... Ну их!»

– Кто пел? Ромалэ? Митро, кто это пел? Да скажите вы мне!

Звонкий, тревожный голос раздался с порога. Илья обернулся – и едва успел шагнуть в сторону. Мимо него словно вихрь пронесся – Илья успел заметить белое платье, шаль, две черные косы. Не взглянув на него, цыганка бросилась к Митро:

– Кто пел?! Там под забором целая толпа стоит! Мы с отцом еще с улицы услышали, я по Живодерке бегом бежала, летела! Это ведь не ты, не Мишка! Не дядя Вася же? Кто пел, кто?!

– Настыка, уймись! – Митро со смехом взял девушку за плечи, развернул. – Это Илья, Смоляко, я тебе рассказывал. А это, ромалэ, Настасья Яковлевна. Моя сестра двоюродная, Якова Васильича дочь.

Илья поднял голову. На него жадно и взволнованно взглянули большие блестящие глаза. Лицо девушки было светлым, тонким, строгим и совсем юным: ей было не больше шестнадцати. На скулах еще горел румянец, мягкие губы были изумленно приоткрыты, по виску бежала выбившаяся из косы выющаяся прядь волос. Цыганка смотрела на него в упор, а он не мог даже улыбнуться в ответ и поздороваться.

– Н-да... Хорошо спели, ромалэ.

От негромкого голоса, донесшегося от двери, Илья вздрогнул. Яков Васильев стоял у порога, опершись рукой о дверной косяк. Знаменитому хороводу из Грузин было около пятидесяти лет. Его голова и усы лишь слегка были тронуты сединой, невысокая фигура, затянутая в синий суконный казакин, была по-молодому стройной. Темное горбоносое лицо казалось равнодушным. Небольшие острые глаза внимательно рассматривали Илью.

– Чей будешь, парень?

Невольно передернув плечами, Илья назвал себя, Варьку, родителей, деда Корчу.

– Что скажешь, Яков Васильич? – весело спросил Митро, беря на гитаре звонкий аккорд.

– То скажу, что у тебя третья врет, подтяни, – не глядя на него, сказал хоровод. Митро смущенно схватился за гриф, а Яков Васильев скользнул неприязненным взглядом по бледному личику Варьки, осмотрел восхищенные физиономии цыган и коротко сказал Илье: – Оставляй сестру. Голоса нужны.

Радости Илья не почувствовал. Вокруг смеялись, шумели, хлопали по плечу, что-то советовали наперебой, а он отвечал невпопад и украдкой искал глазами Настю, почему-то не видя, еще не понимая, что той давно нет в комнате.

Ночью Илье не спалось. В окно домика Макарьевны глядела ущербная луна, на полу лежали полосы серого света, за печью копошились мыши. Рядом сопел Кузьма. Измученная безумным днем Варька заснула еще два часа назад – прямо за неубранным столом, сжимая в руке тряпку. Илье пришлось на руках отнести ее на большую кровать Макарьевны. Конечно, и думать было нечего о том, чтобы пойти растолкать сестру и, как привык, вывалить ей все то, что творилось в голове. Илья с завистью покосился на безмятежно похрапывающего Кузьму, встал и начал одеваться.

На дворе захватило дух от холода. Тронутая заморозком трава серебрилась в лунном свете, смутно белели перекладыны ворот. Илья передернул плечами, запрокинул голову, рассматривая звезды. Не спеша прошелся по темному двору. В который раз подумал о лошадях, ожидающих его на Серпуховской заставе, встревожился – напоили ли? Всыпали ли корма? Перекрестили ли дверь конюшни на ночь? Кто будет думать о чужой скотине...

Внезапно совсем рядом послышался негромкий смех, разговор. Илья изумленно осмотрелся. Подойдя к воротам, выглянул на пустую, темную Живодерку. Никого не увидев, поднял голову и только сейчас заметил свет в мезонине Большого дома. В желтом квадрате окна

мелькнула тень. С минуту Илья смотрел на нее. Затем подошел к большой ветле, ухватился за нижний сук дерева, раскачался, забрался в развилку. Цепляясь за ветки, поднялся выше – и замер. Сквозь черное переплетение сучьев было отчетливо видно, как в мезонине отдергивается занавеска и открывается окно. Еще слышней стали голоса.

– Стеша, смотри, какая луна! Да встань, встань! – Настя, смеясь, тащила к окну упирающуюся Стешку. Она была в том же белом платье, распущенные волосы падали на грудь и плечи.

Илья невольно всем телом подался вперед, ближе к окну.

– Настыка, да отвяжись ты! – в окне появилось недовольное лицо Стешки. Она протяжно зевнула на луну. – Ночь-полночь, спать давно пора.

– А мне не хочется! И знаешь что – давай гитару...

– Не дам! – отрезала Стешка. – Весь дом спит давно, ты одна колобродишь.

Она отошла в глубь комнаты, и теперь до Ильи доносилось лишь ее невнятное бурчание. Настя с улыбкой слушала ее, стоя у окна. Вцепившись в шершавую, влажную ветку, Илья жадно смотрел в ее лицо.

Внезапно Стешка бросила какую-то фразу, и Настя нахмурилась. Пожав плечами, бросила:

– Дура.

– Чего «дура»? – Стешка снова появилась в окне, Илья отчетливо видел ее вороний профиль. – Разве таких в хор берут? Эта Варька совсем петь не умеет, два раза такого петуха дала! А на кого похожа? И зачем она Якову Васильичу сдалась – не знаю. Господ пугать?

«Ах ты, выдра... На себя бы посмотрела!» – выругался про себя Илья.

– А этот... как его... Смоляко... Ну да, спел хорошо... Хотя и лучше можно. Ты его лицо видала? Сатана! И взгляд волчий! Как встал, как зыркнул по сторонам – я чуть баранкой не подавилась! Да господа его спяну за черта примут! И что у Якова Васильича в голове – зарежь, не пойму.

– Да уж побольше, чем у тебя! – с досадой сказала Настя. Помолчав, снова улыбнулась. – Как же это было? А, Стеша? «Ай, пропадаю я, хорошая моя!...»

Она напела вполсилы, мягко, едва коснувшись высокой ноты, но у Ильи по спине проползла дрожь. Судорожно вздохнув, он прикрыл глаза, облизал пересохшие губы. Вот он – голос... Куда Варьке!

– С ума сошла?! – завопила Стешка. – Ночь на дворе, перебудишь всех! Закрой окно, лихоманку схватишь, что за горе мне с тобой!

– Сейчас...

Настя высунулась в окно почти по пояс, потянувшись за открытой створкой. Илья отшатнулся, сухая ветка с треском сломалась под рукой – и Настя, повернувшись, взглянула прямо на него. Илья замер. От страха вспотела спина под рубахой. Стороной мелькнула мысль о том, что разглядеть его в таких потемках девушка не сможет, ведь луна светит сзади. Не свалиться бы только... Зажмурившись, он всем телом прижался к стволу.

Настя вдруг тихо рассмеялась.

– Кузьма! Ты что там делаешь? Человек ты или галка? Слезай, чаворо, иди спать! – Повисла короткая пауза, а затем девушка воскликнула удивленно, даже чуть испуганно: – Кузьма, это ты?

Илью словно ветром сдуло с развилки. Он съехал по стволу, больно ободрав щеку о жесткую кору дерева, чуть было не дал стрекача к дому, но вовремя сообразил, что в лунном свете будет виден как на ладони, и ничком упал на землю. Сердце бухало так, что хотелось зажать его рукой, и Илья не слышал звуков, доносящихся сверху. Лишь спустя несколько минут он решился поднять голову.

Окно в мезонине погасло, створки были плотно закрыты. На всякий случай Илья подождал немного. Затем поднялся и медленно пошел к дому.

## Глава 2

Пролетел месяц. Осень подошла к середине, ветлы на Живодерке давно обнажились, небо было затянуто свинцовыми тучами, то и дело сыпавшими на землю дожди. Впрочем, это не мешало Илье с утра до ночи пропадать на Конной площади. Ему везло – торговля и мена шли неплохо, дневным наваром можно было, не стыдясь, хвастаться перед хоровыми. В конце концов Илья вынужден был признать, что и в городе жить можно.

В то время в Москве было много цыган. Те, кто не работал в хорах – кофари, барышники, – жили возле Конной площади, у Серпуховской и Покровской застав. Целые переулки были забиты смуглыми крикливыми обитателями, дворы пестрели юбками и платками цыганок, по разбитым мостовым носились черноглазые дети. Хоровые же старались выбирать дома ближе к своим местам заработка. Многие из них селились в Петровском парке, возле знаменитых на всю Москву ресторанов «Яр» и «Стрельна». Там снимали дома Поляковы, Лебедевы, Панины, Соколовы – элита московских цыган. Многие жили в Грузинах, вокруг трактира «Молдавия». Десятки семей населяли Рогожскую заставу, Марьину рошу и Разгуляй.

В хоре Якова Васильева было тогда около тридцати цыган. Примадоннами считались Настя и Зина Хрустальная – двадцатипятилетняя цыганка с бледным надменным лицом. Зина славилась своими романсами и имела бешеный успеху «чистой» публики. У нее был собственный дом в Живодерском переулке, куда цыгане заходили редко: все знали, что примадонна пятый год живет невенчанной с графом Иваном Ворониным и тот пропадает у нее целыми днями.

Граф Воронин был московской легендой. Выходец из богатого и древнего московского рода, любимец света, герой Крымской войны и трижды георгиевский кавалер, смуглолицый красавец с жесткими серыми глазами был одинаково вхож и в цыганский дом в Грузинах, и в гостиную генерал-губернатора Москвы князя Долгорукова. Его видели в светских салонах и публичных домах, на скачках и благотворительных балах в пользу инвалидов последней военной кампании, в Дворянском собрании и на каруселях в Петровском парке. Ходили слухи, что Воронин разоряется. Но граф разбивал эти домыслы в пыль своими кутежами у цыган и карточной игрой, счет в которой порой шел на десятки тысяч. Цыгане с Живодерки звали Воронина «Пиковый валет» – за то, что однажды он на спор выстрелил с пятнадцати шагов в карту – в пикового валета, пробив точно середину черного сердечка. Зина Хрустальная называла графа своим проклятием и была от него без ума. Воронин, кажется, тоже любил ее, но на шуточные вопросы цыган о том, когда же свадьба, Зина отмалчивалась.

Кроме Зины Хрустальной, собственный дом был и у семьи Конаковых – удачливых барышников, для которых работа в хоре была больше развлечением, чем заработком. Мать Конаковых, цыганка невероятных размеров с лицом разбойничьего атамана и с веселым нравом, пела вместе с сыновьями. Цыгане называли ее Царь-пушка. Глафира Андреевна обладала редкой густоты басом, и Яков Васильев перед каждым выступлением упрашивал ее: «Глашка, Христа ради, не труби! Через тебя никого не слышно». «Не буду, Яшенька, не буду!» – умильно соглашалась Глафира Андреевна. Но цыгане знали: стоит завести «Гребешки» – и посередине песни все голоса покроет ее мощный, рокошущий «Да ты восчу-у-увствуй!...», от которого дрожали стекла в окнах и крестились пьяные купцы. Цыгане прятали усмешки, Яков Васильевич шепотом ругался, а довольная Царь-пушка исподтишка показывала ему свой внушительный кукиш: мол, выкуси-ка, морэ! Чтоб все пели, а я молчала – не дождешься!

Среди мужских голосов славились басы Митро и Петьки Конакова, а также голос дяди Васи, одного из лучших теноров хора. Послушать, как Васька с Живодерки поет «Картошку» и «Тараканов», съезжалась вся московская знать, сам граф Воронин дарил ему по червонцу за каждую песню и уверял, что даже в Гранд-опера не услышишь такого тенора. И все было

бы хорошо, если бы не дяди-Васин запойный грех. Раз в два месяца гордость хора, никого не предупредив, уходил из дома в неизвестном направлении. Цыгане немедленно кидались на поиски, переворачивали всю Москву, рыскали по трактирам и кабакам, расспрашивали босяков и проституток. Но проходило несколько дней, прежде чем дядю Васю в совершенно непотребном виде находили в питейном заведении где-нибудь на Сухаревке или Тишинке. Еще день-два уходили на приведение звезды в божеский вид. Затем следовало возмездие в лице разгневанного хоревода. Орать на первый голос хора в открытую Яков Васильев считал недостойным: разбирательство происходило тихо, при закрытых дверях. Никому ни разу не удалось подслушать, какими словами пользуется при этом хоревод. После ухода Якова Васильича дядя Вася выбирался к цыганам изжелта-зеленым, крестился на иконы и клялся всеми святыми, что больше – никогда, ни капли, ни единого глоточка, чтоб его черти взяли на свои вилы! Но, видимо, чертям дядя Вася был без надобности, потому что через несколько месяцев все повторялось снова. Пела в хоре и дочка дяди Васи – тоненькая, глазастая четырнадцатилетняя Гашка, но ее пока что никто не принимал всерьез.

Появлялся иногда в хоре и Гришка Дмитриев – красавец-цыган двадцати трех лет, высокий, стройный, с огромными черными глазами, которые оставались грустными даже тогда, когда Гришка хохотал с цыганами во все горло. У него был редкой красоты баритон, и когда Гришка, играя бархатом на низах, пел модный романс «Пара гнедых», рыдала даже вполне трезвая публика. В ресторан Гришка всегда приезжал на извозчике, а одевался как князь, небрежно вертел золотую браслетку на запястье и демонстрировал полную коллекцию перстней. Илья долго не мог понять, откуда у этого парня, крайне редко появлявшегося в хоре и никогда – на Конном рынке, такое богатство.

– Вор он, что ли? – осторожно спросил он как-то у вездесущего Кузьмы.

Тот в ответ усмехнулся:

– Да если бы... Купчихами кормится.

– Это как? – не понял Илья.

– А вот так. Не знаешь, что ль, как у них? Муж – по закону, офицер – для чуйств и дворник – для удовольствия. Только у некоторых вместо дворника – наш Гришка.

– Врешь! – Илью даже передернуло.

– Не вру. Спроси у наших, коль не веришь. Долгополова купчиха с ним жила и Пореченкова с Большой Полянки, а сейчас он вроде возле Прянишниковой вдовы из Староданиловского крутится. Купчихи его куда как любят! В ресторанах кормят, сами кольца дарят, с себя последнее снять готовы... Фу! Ладно, я не говорил, ты не слышал. Яков Васильич не любит, когда про это болтают...

Кроме цыган, на Живодерке селился бедный люд – мелкие торговцы, чиновники, прачки, мастеровые и желтобилетные девицы. По соседству с Большим домом стоял доходный дом купца Маслишина – бесформенная, заваливающаяся набок развалюха, сверху донизу набитая студентами. Эта веселая, горластая, всегда голодная братия запросто бегала в гости к цыганам, «стреляла» на несколько дней сахар и масло, целовала ручки цыганским девчонкам и слушала «на халяву» песни. Цыгане, в свою очередь, с восторгом прислушивались к голосовым упражнениям студента консерватории Рыбникова – огромного человека с лицом былинного Добрыни Никитича и мощнейшим басом, которым он ревел оперные арии на всю Живодерку. «Эк его забирает – стены дрожат! Право слово – отец протодьякон! – свешиваясь из окон, восхищались цыгане. – Дает же бог счастье такое...» Среди хоровых ходили слухи о том, что Яков Васильевич сам – лично! – просил Рыбникова попеть у него в хоре, но студент отказался «по идейным соображениям». Когда же Илья спросил у Митро, что может означать последнее, тот с умным видом заявил: «Воспитание не такое. Он же не из простых, у него мамаша – попадьа под Тулой. Чего ему в кабаке петь?»

В глубине Живодерского переулочка притулился старый двухэтажный особняк со звонком и кривоватой надписью на двери: «Заведение». Это был публичный дом мадам Данаи, дела которой были в довольно сильном расстройстве. Богатые люди в «Заведении» бывали редко: преобладали купцы средней руки, мещане и даже мастеровые из зажиточных. Десять девиц старались как могли, но доходы веселого дома не повышались. По утрам мадам Даная пила чай в Большом доме, жаловалась цыганкам на бедность, иногда продавала им вязаные шали и салфетки – то был побочный заработок ее девушек – и кое-как оплачивала обучение в гимназии двоих сыновей.

Богиней Живодерки была Настя Васильева. За день ее белое платье и алая шелковая шаль успевала промелькнуть чуть ли не в каждом доме узкой, грязной улочки. Ее голос звенел из мадришской развалюхи (Настя брала уроки итальянского вокала у студентов), слышался из окон заведения мадам Данаи (Настя учила девиц наигрывать на гитаре), гневно гремел на всю Живодерку, если надо было унять раскуражившегося отца семейства, рассыпался смехом на углу, где мастеровые играли в лапту или бабки, и легко перекрывал три мужских голоса, когда ссорились братья Конаковы. Стоило где-нибудь вспыхнуть скандалу или начаться пьяной драке, как кто-нибудь из цыган грозил: «Сейчас Настьку позовем!» – и все затихало, как кипятилок под слоем масла. Илья сам был свидетелем побоища на Тишинской площади между цыганами и фабричными, не поделившими девчонок. Настя примчалась немедленно, с грозным воплем бросилась между ошетилившимися, злыми парнями, выхватила у кого-то нож, швырнула на землю, охнула, порезав ладонь, – и все прекратилось. Через минуту цыгане бежали за водой, а мастеровые в двенадцать рук искали чистый платок – перевязывать ручку Настасье Яковлевне. Она легко успокаивала пьяных и первой входила в дом дяди Васи, когда тот на седьмой день запоя начинал ломать мебель, гонять синих чертей и выкидывать на улицу жену и дочь. Из дома купца Ракитина, страдающего приступами белой горячки, за Настей раз в месяц высылались целая делегация – чада и домочадцы, кланяясь, просили «угомонить кормильца». Настя молча надевала шляпку, набрасывала на плечи шаль, шла – и наводила порядок. Яков Васильев, кажется, не одобрял этих поступков дочери, но вслух не возражал.

Матери у Насти не было – она умерла сразу после родов. Цыгане говорили, что она была еще красивее Настьки, во что Илья, как ни старался, поверить не мог. Разве могли быть у кого-то на свете глаза, красивее этих – черных, спокойных и насмешливых, никогда не сердящихся, имел ли кто такие же дрожащие ресницы, мягкие губы, густые и тяжелые косы с вьющейся прядкой у виска? Разве могла хоть одна цыганка спеть таким чистым и сильным голосом, то взлетающим к облакам, то падающим на бархатные низы, куда и не всякий бас мог спуститься? Разве еще кому-то было бы так к лицу белое платье, подчеркивающее нежную смуглоту лица? У кого еще были такие тонкие пальцы, хрупкие запястья, такие плечи? Да что тут говорить...

В Большой дом к Васильевым Илья заходил редко: мешала непонятная робость. Если ему нужен был Митро, он предпочитал свистнуть под калиткой. В первое время Илья надеялся, что на его свист хоть раз выглянет Настя. Но высовывался кто угодно – Стешка, Фенька, Аленка, гроздь вопящих ребятишек, мать Митро Мария Васильевна, сам Митро и один раз даже сам Яков Васильевич (Илья тогда чуть не умер со страха), – а Настя не показалась ни разу. Иногда они встречались на улице. В первый раз это случилось на другой день после ночной истории с ветлой. Илья боялся поднять на Настю глаза, но та как ни в чем не бывало поздоровалась, спросила что-то о Варьке, пожелала удачного дня и пошла по своим делам. Из этого Илья заключил, что Настя так и не разглядела, кто сидел ночью на дереве.

Варька, которую приняли в хор, бегала веселая. Целыми днями пропадала у цыган, учила новые романсы, заказывала платья, покупала туфли, примеривалась к персидской шали в лавке на Тверской. Илья без спора давал деньги: его сестра не должна была выглядеть замарашкой среди городских певиц. Вечерами Варька вместе со всеми шла в ресторан, возвращалась глубокой ночью или вовсе под утро, будила брата, восторженно рассказывала о заработанных день-

гах, клялась, что Илья, согласись он тоже поступить в хор, сможет «взять» в десять раз больше. Илья ругался, что его разбудили, отмахивался, засыпал снова. Всерьез уговоры сестры он не принимал. И впоследствии утверждал, что ноги бы его в хоре не было, не появившись у Макарьевны в один из ветреных и холодных ноябрьских дней злой, как черт, Арапо.

– Ну, все, ромалэ, доигрались! – мрачно сказал Митро, входя в горницу. Илья, Макарьевна и Варька, резавшиеся за столом в дурака, прекратили игру и дружно повернулись к нему. Кузьма украдкой вытащил из колоды козырного туза, сунул его в рукав и тоже воззрился на пришедшего:

– Чего случилось-то, Трофимыч?

Митро, не отвечая, сел на пол у порога и насупился. Цыгане переглянулись. Варька встревоженно встала из-за стола, подошла к нему:

– Дмитрий Трофимыч, да ты что? В семье что-то? Я слышала, вашу Матрешу замуж сговорили за Ефимку Конакова... Он что, ее не берет?

– Хуже! – буркнул Митро. – У дяди Васи опять запой.

Глаза Варьки стали огромными. Она испуганно перекрестилась. Кузьма шепотом сказал: «Ой, боженьки...», выронил из рукава спрятанного туза и полез обеими руками в растрепанную шевелюру. Макарьевна схватилась за голову.

– Сегодня ж день-то какой! – чуть не плача продолжал Митро. – У Баташева, Иван Архипыча, именины! Они весь хор к себе в Старомонетный приглашают, с друзьями гуляют, час назад от них мальчишка прибежал, беспокоятся – будем ли. Яков Васильич обещал, велел, чтоб все до единого... Я – к дяде Васе, а его Гашка вся зареванная сидит. Запил, говорит, еще вчера. Ну, вот что я теперь Яков Васильичу скажу, что?! Он же не из него, а из меня три души вынет! Как будто нянька я вам... Если б хоть не Баташев! Если б другой кто!

Положение в самом деле было отчаянным.

Еще пять лет назад о братьях Баташевых по Москве шла дурная слава. Получив после смерти отца огромное наследство, Иван и Николай со всей молодой купеческой дурью кинулись в омут развлечений. Деньги лились рекой, бешеные тройки неслись по Тверской и Садовой, брались приступами публичные дома на Цветном бульваре, визжали хористки в «Эрмитаже», разбивались окна и зеркала в трактирах, летели под ноги цыганкам сотенные билеты, и осыпались золотом балалаечники из русского хора. Десятки раз братья просыпались после бурной ночи в участке или пожарной части. Десятки раз, бросив полицейскому начальству пачку червонцев, выходили оттуда, чтобы к вечеру снова помчаться к цыганам или к проституткам. На счету Баташевых числились два погрома в тестовском трактире, увоз из хора и насильственное лишение чести девицы Агриппины Гороховой, несколько сбитых сумасшедшими тройками прохожих, загнанные на фонарные столбы городовые, отплясывание «Кама-ринской» с цыганами под окнами Городской думы, перевернутые сани, выдернутые из вазонов тропические пальмы во французской ресторации и мелкие подвиги вроде площадной брани в общественных местах, зуботычин, пожалованных извозчикам, и варварского обращения с городскими мессалинами.

Все это продолжалось целую зиму. Купеческое Замоскворечье гудело, в городскую управу и к генерал-губернатору Москвы поступали слезные письма с просьбами унять лихих братьев, но неожиданно все закончилось само – быстро и страшно.

Ранней весной Иван и Николай Баташевы возвращались из Петровского парка домой, на Большую Полянку. Ехали в санях, в обнимку с хористками, то и дело прикладываясь к бутылкам «перцовой» и великодушно предлагая того же извозчику. Тот не смел отказываться, быстро опьянел и на обледеневшей набережной выпустил из рук вожжи. Кони помчали, вынеслись на тонкий, подтаявший лед Москвы-реки и там с треском провалились в полынь. Сани и лошади ушли под лед мгновенно. На отчаянный визг женщин прибежали извозчики с набережной,

вызвали пожарную команду с баграми, но вытащить из ледяной воды удалось лишь старшего Баташева. Извозчик, две женщины и младший брат Николай утонули.

Две недели Иван Баташев провалялся в сильнейшей горячке. Доктора уже советовали стряпать завещание, но молодость могучего организма пересилила болезнь: Баташев поправился. Едва поднявшись, он заказал панихиду по брату, пристроил в сиротский дом двухлетнего сына одной утонувшей хористки и в богадельню – старую мать другой, отвез три сотенных билета семье извозчика, сдал дела старшему приказчику и уехал из Москвы.

Целых четыре года о Баташеве ничего не было слышно. Разговоры давно прекратились, память о страшном происшествии стихала, уже другие буянили в трактирах и домах свиданий, старый дом на углу Полянки и Старомонетного ветшал и зарастал паутиной. О Баташеве ходили разные слухи: кто-то говорил, что он отправился за Урал в раскольничьи скиты, кто-то уверял, что Иван Архипыч утонул спяну в Волге, кто-то видел его в цыганском таборе, стоявшем под Калугой, кто-то – с калмыками на Саратовской ярмарке. Находились и те, кто божился всеми святыми, что Иван Баташев подался в монахи. Эти домыслы были опровергнуты внезапным появлением самого Баташева в Москве на Масленичной неделе. Весь город сбегался смотреть, как в широкие ворота лабаза на Никольской вползает обоз из двух десятков телег, груженных кулями с белкой, соболями, лисами и норками. Город снова взорвался слухами; на другой же день на Сухаревке говорили о том, что купец Баташев был на золотых приисках под Тагилом, скупал у алеутов меха и вернулся в Москву миллионером. К лету Иван Архипович заново отделал дом в Старомонетном переулке, открыл две лавки в Охотном ряду, перекупил у обанкротившейся французской фирмы меховой магазин на Кузнецком мосту, сменил приказчиков, оставив лишь старого, верного Кузьмича, и женился на бесприданнице. Последнее в глазах купеческой Москвы считалось высшим шиком, и все окончательно уверились в баташевском несметном богатстве.

Город с некоторым беспокойством ждал новых выходов когда-то лихого молодца, но Иван Баташев не возвращался к прежней разгульной жизни. Вместо этого купцы одобрительно заговорили о деловой хватке Баташева, о его уме и хитрости в торговом деле, о верности своему слову и честности при расчетах. Теперь Баташева можно было увидеть и в Купеческом клубе на Дмитровке, и в Новотроицком трактире, где за стерлядью и расстегаями вершились многотысячные сделки, и в модных загородных ресторанах. Московское купечество охотно повело дела с новоявленным миллионщиком.

Многие, впрочем, упоминали некоторые баташевские странности, которых прежде за ним не водилось. Так, ему ничего не стоило посреди шумного гулянья в номерах «Эрмитажа», когда вино лилось рекой, а хористки целовались с молодыми купчиками под брэнчание рояля, встать, зевнуть, протянуть: «Тоска-то какая, хосподи...» – и выйти, бросив под ноги половому пачку денег. Мог Баташев, проезжая в экипаже вместе с деловыми партнерами через Китайгород, внезапно рывкнуть кучеру «Стой!», спрыгнуть на всем ходу и ввинтиться в притрактирную толпу. Когда несколько минут спустя обеспокоенные купцы входили в трактир, они видели Баташева сидящим за некрашеным, залитым дешевым вином столом и погруженным в беседу с косоглазым калмыком в засаленном армяке или с каким-нибудь кудлатым, подпоясанным веревкой мужиком. Причем мужик называл купца-миллионщика Ванькой, а тот в ответ величал оборванца Ксаверием Ардальонычем. Долго ходила по Москве история о хористке Акулине Толстопятовой, которую Баташев увез из «Стрельны», снял ей квартиру в Николаямском переулке, дал полное содержание – и не появлялся более у нее никогда, несказанно удивив и московское общество, и саму певицу. Та долго мучилась, редела, бегала по церквям, не зная, чем ей придется расплачиваться с благодетелем, и от расстройства завела себе жениха из Тверской пожарной части. Когда Баташев узнал об этом, то дал денег на приданое и свадьбу и был первым гостем на торжестве. Больше всего Москву потрясло то, что хористка Толстопятова оказалась девицей: простыня висела на заборе весь послесвадебный день. «Ума лишился...» –

шипели баташевские недоброжелатели. «Без ума миллионов не наживешь, – возражали те, что порассудительней. – Всяк по-своему тешится».

Из прежних привычек у Ивана Архиповича осталась лишь неистребимая страсть к цыганскому пению. Чаще всего он появлялся в ресторане, где пел хор Якова Васильева. У Баташева был свой стол, за который он основательно усаживался, спрашивал рюмку анисовой, подзывал дядю Васю и требовал всегда одно и то же: «Поговори хоть ты со мной». Дядя Вася пел. Баташев слушал, прикрыв глаза, выражение его темного, словно вырезанного из соснового полена лица не менялось до конца песни, не выражая ни радости, ни удовольствия. Затем он платил положенный червонец и движением руки отсылал дядю Васю. Других певцов Баташев никогда не приглашал, веселых песен не заказывал и через несколько минут уезжал. «Ничего не пойму, что человеку надо? – ругался после дяди Вася. – Как для стены поешь! Не поймешь – то ли по душе ему, то ли нет...» – «Тебе какая разница, дурак? – хмурился Яков Васильевич. – Платит – и ладно».

Иногда Баташев приезжал прямо на Живодерку, в гости к цыганам. Чаще всего это случалось глубокой ночью, но весь хор немедленно вылезал из постелей и, зевая, отправлялся в Большой дом петь для «благодетеля». Впрочем, никто не жаловался: Баташев обычно приезжал не один, а с компанией купцов, которую с удовольствием угощал «своим табором», и тогда деньги и вино лились рекой. Только в этих ночных забавах с цыганами был слабый отголосок прежних баташевских бесчинств. Но уже не бились, как прежде, оконные стекла, не летели в реку околоточные вместе со своими будками и не дарились цыганкам броши, усыпанные бриллиантами. «Перебесился», – добродушно решила Москва...

Кузьма вздохнул. Осторожно предложил:

– Морэ, может, я вместо дяди Васи спою?

– Ох молчи, убью! – не поднимая головы, сказал Митро.

– А Ванька Конаков не сможет? – подключился и Илья. – Он тоже «Поговори» знает.

– Знать-то, может, и знает... – уныло подтвердил Митро. – А ноту не возьмет. А без ноты песня гроша не стоит. Ох, господи, ну как тут выкрутишься? Ведь первый раз к себе зовет! Люди будут, купцы именитые! Все Ваську слушать захотят, а этот поганец... Ну, не знаю я, что делать, не знаю, и все! Пойду вот да сам сейчас напьюсь! Что я – не человек?!

– Тебе еще не хватало, – тяжелым басом сказала Макарьевна. Сгрэбла со стола карты, подняла туза, уничтожающе взглянув на заморгавшего Кузьму, и ушла на кухню. В горнице снова воцарилась тишина.

Внезапно Митро поднял голову.

– Смоляко... Слушай – будь человеком...

– А что надо? – настороженно спросил Илья.

Митро вскочил, подошел к столу, сел рядом.

– Морэ... Ну, ради меня! Ты же все песни наши знаешь, уж сто раз слушал. Ну, что тебе стоит вместе с хором выйти?

– Да какого чер...

– Смоляко, душой прошу! На колени встану! Сестер приведу, тоже стоять заставлю!

– Не пойду! – отрезал Илья. – Совсем, что ли, рехнулся?

– Смоляко! Да что ж такое! Ну, что мне – Яков Васильича звать? – Митро вцепился в него, затормошил, умоляюще заглянул в глаза. – У тебя ведь тоже тенор, как у дяди Васи. Лучше даже! Ты и «Поговори» вытянешь, и «Долины ровные». Весь хор выручишь, денег заработаешь, золотом засыпешься!

– Сами засыпайтесь, – фыркнул Илья. – А у меня дело вечером.

Про дело он сказал просто так – чтобы Митро отвязался. Никаких дел у Ильи не было, и вечером он рассчитывал посидеть в пивной на Грузинке с тамошними цыганами. Там можно было послушаться разговоров о конных базарах, узнать все городские сплетни, разведать что-

нибудь о своем таборе, который, по слухам, уже отправился зимовать на Смоленщину. И менять все это на чьи-то именины? Пусть даже и баташевские? Да гори они ясным пламенем!

Митро взглянул на Илью исподлобья. Поднялся, хмуро сказал:

– Ну, дело твое... – и вышел. Дверь хлопнула так, что закачалась занавеска.

Варька испепелила брата взглядом, вскочила и, чеканя шаг, ушла на кухню. Кузьма расстроенно прошелся по горнице.

– И что ты, Илюха, ей-богу... Жалко, что ли? Кусок, что ли, от тебя отвалится? Весь хор бы выручил... Право слово, как будто не цыган.

– Замолчи! – огрызнулся Илья.

Ему было неловко. Может, и в самом деле стоило бы съездить? Весной, когда они с Варькой вернутся в табор, можно будет с чистой душой хвастаться, что бывал в доме у настоящих миллионщиков, а не только впаривал им на ярмарке мореных жеребцов, как вся таборная братия. Да и Арапо, кажется, обиделся... Илья потряхнул головой: нет, не станет он петь в хоре!

Снова хлопнула входная дверь. Илья поднял голову, недовольно посмотрел на входящего Митро. Открыл было рот, чтобы спросить, чего еще надо, но вслед за Митро в горницу вошла... Настя. Илья растерянно вскочил. Тут же сел обратно, спохватившись, что перед ним всего-навсего цыганская девчонка. Торопливо напустил на себя безразличный вид.

– Добрый вечер, Илья, – весело сказала Настя, сбрасывая платок. От ноябрьского холода ее лицо горело румянцем, живо блестели черные глаза, на щеках появились озорные ямочки.

Глядя на них, Илья пытался собраться с духом.

– Здравствуй, – кое-как выговорил он.

Митро, стоящий у порога, усмехнулся:

– Вот, согласилась прийти упросить тебя. Хватит тебе одной Настьки или всех шестерых девок согнать?

В лицо Ильи жарко ударила кровь. Он опустил глаза. Ну, Арапо... Вон что удумал...

– Помогите нам, Илья, – серьезно сказала Настя. Илья, не услышав насмешки в ее голосе, осторожно поднял голову. – Помогите, что тебе стоит? Некому петь. У всех баритоны, басы, а тенор – только у дяди Васи да Кузьмы. Но Кузьма же маленький, не сможет он один. Поможешь, морэ? Или в ноги тебе падать? – Настя быстро шагнула к нему, склонилась, и Илья с ужасом понял: сейчас и впрямь упадет на колени.

– Не надо, я пойду! – вырвалось у него. Илья поспешно шагнул к Насте, стараясь остановить, не дать... но она уже выпрямилась, тихо смеясь, одернула платье и повертела у него перед глазами маленьким блестящим диском:

– Что это ты пол рублями кроешь, Илья? Я еще с порога увидела – валяется...

Сидящий на подоконнике Кузьма расхохотался. Илья пробормотал что-то невразумительное, отвернулся.

– Последний раз спрашиваю – едешь с нами или нет? – приблизившись к нему, спросила Настя.

– Еду, – глядя в пол, кивнул Илья.

Рассмеявшись, Настя хлопнула в ладоши, бросила на стол рубль и кинулась за порог.

– Ну, морэ, это я тебе припомню! – сказал Илья, мрачно взглянув на Митро, когда серебряный рубль перестал вертеться на столешнице и улегся у самого края.

– Да на здоровье, – невозмутимо отозвался Митро. Подойдя, положил руку на плечо Ильи. – Пойдем-ка к нам, прикинем на тебя мой казакин старый. До вечера время есть, Макарьевна подгонит. И не пугайся ты так. У Баташева – это все-таки не у сиятельных. Тут попроще, свои люди.

К вечеру поднялся ветер. Старая ветла угрожающе гудела, качая над Живодеркой голыми сучьями. Сухие листья стаяй неслись вдоль улицы. Над крышей Большого дома повисла луна. Илья смотрел на нее, стоя у калитки домика Макарьевны, и ему казалось, что лунный бубен

тоже дрожит и раскачивается от ветра. Было холодно. Казакин Митро, который Макарьевна наспех ушила за вечер, давил под мышками, воротник казался деревянным. Хотелось есть и еще почему-то пива. Но и о том, и о другом нельзя было и думать: четыре запряженные парами пролетки уже стояли у ворот Большого дома. За ними стояла коляска Зины Хрустальной – единственной цыганки в хоре, имеющей собственный выезд. Зина, закутанная в лисий салоп, неподвижно сидела в глубине экипажа; в тусклом свете фонаря Илья видел ее надменное красивое лицо. Пронзительные вопли Кузьмы, торгующегося с извозчиком, разносились по всей Живодерке:

– Эй, дорогой мой, почему двугривенный-то? В тот раз пятиалтынник был! А по совести – и пятака тебе хватит, не в Ерусалим ехать-то! Бога побойся, разбойничья морда!

В стоящей впереди пролетке торопливо рассаживались молодые цыганки. Вытянув шею, Илья попытался высмотреть Настьку. Та сидела спиной к нему, кутаясь в тяжелую, расписанную розами шаль, что-то шептала на ухо Варьке. Кто-то звонко, на всю улицу, запел: «Матушка-голубушка».

– Не петь. Голоса беречь! – отрывисто приказал Яков Васильев. Быстрыми шагами подошел к крыльцу, с которого не спеша спускалась мать Митро Марья Васильевна в черном бархатном платье и собольей ретонде внакидку. Попенял: – Ну, Маша! Тебя одну ждем.

– Подождете, не велики баре, – спокойно отозвалась та. Не спеша подошла к пролетке, взялась за край. Яков Васильев протянул было руку, но Марья Васильевна отвела ее и ловко, привычно взобралась в пролетку сама.

– Кто это на козлах-то – не разберу? Савватей, что ли? Ну, трогай, милый, с богом!

Рябой извозчик, улыбаясь во весь рот, хлестнул по лошадям, и первая пролетка рванула с места. За ней тронулись остальные. Илья сидел между Кузьмой и Митро, придерживал коленом футляр с чьей-то гитарой и старался не слишком вертеть головой. Не показывать же было, что он впервые едет в господском экипаже. Да еще за двугривенный. На взгляд Ильи, вполне достаточно было бы дать извозчику гривенник, а еще лучше – добраться всем хором пешком.

Но вскоре он перестал сожалеть о бесполезно затраченных деньгах. Пролетки вывернули с темной узкой Живодерки на Малую Бронную, с грохотом промчались по ней, понеслись по переулку, второму, третьему и карьером вылетели на Тверскую. По глазам ударил свет голубых газовых фонарей, огни трактиров, сияющие двери ресторанов. Копыта лошадей дробно застучали по каменной мостовой, рябой Савватей по-чертенячи свистнул, завертел над головой кнудом, громоподобно рявкнул: «Поберегись, крещеные!» – лошади рванули во весь опор, и у Ильи захватило дух. В ушах пронзительно свистел ветер, что-то кричал, наклонившись и скаля зубы, Митро, где-то внизу звенели, выбивая искры из мостовой, подковы, впереди языком пламени бился на ветру полушалок Насти. Вот она встала, повернулась, звонко прокричала что-то – Илья увидел ее смеющиеся черные глаза, улыбку, выбившиеся из-под платка волосы. Сидящая рядом Стешка, выругавшись, дернула ее за руку, и Настя с хохотом упала на скамью. А над Тверской, вслед за пролетками, в черном ледяном небе неслась белая луна.

Пролетки промчали мимо Кремля, вылетели в Замоскворечье, пересекли Пятницкую, чуть замедлили ход, сворачивая в переулок, и Илья наконец-то разобрал, что кричит Митро:

– Приехали уже, морэ! Вот в этом доме Баташев живет!

Дома Илья не увидел. Впереди высился черный забор без единого просвета. Выскочивший из пролетки Кузьма бухнул кулаком в ворота, и Большая Полянка огласилась заливистым собачьим брехом. Затем послышался голос дворника:

– Чаво надоть?

– Цыгане к ихнему степенству! Отпирай, Мирон! Да собак убери!

Медленно, со скрипом отворились тяжелые ворота. Цыгане запрыгали из пролеток. Илья выскочил вслед за Митро и успел подглядеть, как тот церемонно, совсем по-господскому, подает руку Насте. А та, придерживая подол платья, чинно сошла на мостовую. Глядя на них,

Илья засомневался: нужно ли ему так же помочь Варьке или, не велика барониха, сама выскочит. Но сестра уже махала ему с другой стороны тротуара:

– Илья, иди ко мне!

– Нет, он с нами пойдет, – сказал Митро. Развернув Илью к себе, оглядел его с головы до ног, одернул на нем казакин, поправил какую-то складку и удовлетворенно заключил: – Форменный анператор – короны не хватает! Яков Васильич, глянь на него!

Яков Васильев, о чем-то договаривающийся с извозчиками, нехотя обернулся:

– Угу... Анператор. Без подштанников. Смотри, рта не открывай без нужды. Если гости чего спросят – «да» и «нет», больше ничего. «Ваше степенство» прибавлять не забудь. По сторонам не зевай. В хоре прямо стой, следи вот за ним (кивок на Митро). И, Христа ради, не чешишь – весь хор опозоришь.

В глубине огромного двора стоял дом. К удивлению Ильи, в нем горели лишь четыре окна, остальные были темны. С крыльца махала горничная. Яков Васильев в последний раз оглядел хор:

– Ну – с богом, ромалэ. Пошли.

Купеческий особняк встретил потемками, скрипучими ступеньками, бесчисленными галереями, лестницами и коридорами. Илья сбился со счета, сворачивая вместе с цыганами из одного перехода в другой. В глубине души заскребся страх. Почему-то подумалось: захочешь сбежать – и не найдешь куда, всюду клетки да каморы... Темнота, спертый воздух, запах лежащей шерсти и ладана еще больше усилили тревогу. Илья был уже готов развернуться и бежать прочь: удерживал его только стыд перед цыганами, которые как ни в чем не бывало шли за мутным пятном света – керосиновой лампой в руках горничной. Впереди мелькнула желтая полоска. Распахнулась дверь.

Большая комната была залита светом. У Ильи захватило дух, когда он закинул голову и увидел две хрустальные люстры, утыканые свечами. Люстры, громадные, с ограненными подвесками, сыплющими на потолок и стены разноцветные искры, произвели на него такое впечатление, что потребовался довольно ощутимый тычок в спину от Митро:

– Рот закрой, морэ...

Спохватившись, Илья отвел взгляд от сверкающего чуда. После яркого света в глазах заплескали зеленые пятна, и он с трудом различил длинный стол посреди залы, заставленный блюдами, тарелками и бутылками. Цыгане припозднились: именинное пиршество шло уже давно, скатерть была залита вином и усеяна костями и хлебными корками. Гостей было человек десять – одни мужчины, все из старого купечества, в долгополых сюртуках, поддевках, сапогах бутылками.

– Купец Бажанов... Емельянов Федул Титыч... Гречишников из Зарядья... – зашептал сзади Митро. – Вон тот, что с рюмкой сидит, – Фрол Матюшин, в Охотном две рыбных лавки держит, из промысловиков. Вахрушевы-братья, их ты знаешь... А вот и хозяин. Да кланяйся ты, чертов сын!

Илья поклонился вместе со всеми. Подняв голову, увидел прямо перед собой невысокого кряжистого человека в расстегнутом сюртуке. Белая рубаша была забрызгана вином. Черная курчавая борода топорщилась веником, с грубого, словно вытесанного из дерева лица смотрели острые маленькие глаза.

– Здорово, Яшка! – хрипло сказал Баташев. Качнулся, и Илья понял, что хозяин дома уже сильно пьян.

– Здравствуйте, Иван Архипыч, – ответил хоревод. – Позвольте с днем ангела вас поздравить. Все мы вам кланяемся...

Черные глаза Баташева быстро обежали хор.

– Васька где? Опять в запое, сукин сын?

– Изволили угадать... Да мы, Иван Архипыч, и без него споем, не извольте волноваться, все любо-дорого будет...

– Без Васьки – не желаю слушать! – угрожающе заявил Баташев, и Илью снова обдало густым винным запахом. – Проваливайте ко всем чертям!

Среди цыган пробежал негромкий ропот. Возразить не решился даже Яков Васильев и уже махнул было хору рукой – мол, уходим, – но из-за стола послышались недовольные голоса.

– Эй, брат Иван Архипыч, не дело ведь это!

– Мы все цыган твоих ждали!

– Ты, знамо дело, хозяин, но и гостей уважь! Обещал, так гони!

Баташев тяжело, всем телом повернулся к столу. Илья смотрел на его широкие плечи, мощную спину, на которой даже из-под сюртука были заметны бугры мускулов. «Ему бы с медведями бороться...» – с невольным уважением подумал он.

– Ладно. Леший с вами – войте! – вдруг решил Баташев, и цыгане облегченно загудели.

– Позвольте начать? – уточнил Яков Васильич.

– Зачинай. – Баташев тяжело, по-медвежьи ступая, направился к столу.

У стены уже были выставлены полукругом с десятков стульев. Цыганки не спеша расселись, поправили платья, расстелили на коленях концы узорных шалей. За их спинами встали мужчины с гитарами. Илья очутился рядом с Митро. Если взглянуть вправо, можно было увидеть горбоносый профиль и высоко взбитую прическу Варьки, и рядом с ней – серьезное, бледное лицо Насти. Яков Васильевич встал перед хором с гитарой в руках.

– «Петушков»... – сквозь зубы тихо приказал он.

Вдрогнули гитары.

– «На фартушке петушки...» – высоко и нежно взял девичий голос.

Еще не видя, не повернув головы, Илья понял – Настька. Впервые он слышал ее в хоре, и от первых же звуков по спине побежали мурашки – как тогда, сырой ночью, в развилке ветлы перед ее окном. В горле стал комок. Илья с ужасом понял – не сможет он петь...

– «На фартушке петушки, золотые гребешки...» – довела до конца Настя. Пауза – и могучей волной вступил хор – весь, все контральто, баритоны, басы и тоненький голос маленькой Гашки на верхах: – «А-а-ах – да золотые – сердцу дорогие!»

Илья сам не знал – поет он или нет. В буре других голосов различить собственный было невозможно, в ушах звенело, стены с прыгающими на них бликами огня плыли перед глазами. Спина под казакином и рубахой была мокрой. Собрав всю волю, чтобы не зажмуриться от страха, Илья ждал: когда же закончится. И вот – обрыв куплета, хор молчит, замороженный, а по душевной комнате вновь плывет голос Насти:

Уж как я тебя искал, кликал, плакал и страдал, —

А-а-ах – да ты не слышишь, слова не промолвишь.

И снова – гром всего хора. Стены, казалось, дрогнули от напора голосов. На этот раз было легче, Илья чуть успокоился, убедившись, что все-таки поет, и, кажется, не хуже других. По крайней мере, Яков Васильевич совсем не обращал на него внимания и больше смотрел на дочь, словно боясь, что она, в сотый раз заводящая «Петушков», сейчас что-нибудь напутает. Но Настя вела первый голос уверенно и спокойно.

После «Петушков» завели «Обманула, провела», потом – «По улице мостовой». Илья понемногу пришел в себя, начал поглядывать по сторонам. К его удовольствию, цыган слушали внимательно. Молодой купец Вахрушев, давно, оказывается, влюбленный в хорошенькую плясунью Аленку, старательнее всех вслушивался в пение. Его толстые, по-детски оттопыренные губы шептали вслед за цыганами слова песни. Довольная Аленка улыбалась, теребила кисти шали на коленях, сквозила лукавым взглядом из-под опущенных ресниц. «Дура», – решил

Илья, на всякий случай грозно посмотрев на Варьку – чтобы не вздумала так же. Но Варька даже не заметила его взгляда. Бледная от волнения, стиснув в пальцах бахрому шали, она с закрытыми глазами вела второй голос.

Трезвее остальных гостей казались Федул Титыч и рыжий Гречишников, пристроившиеся с бокалами шампанского на бархатном диванчике у стены. Они сумели даже сейчас, под пение цыган, завести деловой разговор. «Три баржи с тесом», «по осени причалют», «с Сольвыгодска вестей ждем»... – доносилось из их угла в перерывах между песнями. Яков Васильевич нахмурился, движением бровей послал к купцам Стешку. Та умело вклинилась между ними, блеснула зубами, повела хитрым черным глазом – и в считанные минуты дела были забыты. Вскоре Стешка одной рукой прятала за кушак «красенькую», а другой махала гитаристам:

– Эй, Ванька, Кузьма, идите сюда! Я для ихних степенств «Час роковой» петь буду!

Хозяин дома сидел во главе стола, низко опустив лохматую голову. Было непонятно, слушает он или нет. После каждой песни Яков Васильев почтительно спрашивал: «Чего послушать изволите?» – но Баташев махал рукой: «Чего хочешь войте...» Илья не сводил глаз с его широкоплечей тяжелой фигуры. Ему казалось, что хозяину совсем не весело. А раз так, то зачем было звать хор? Да еще приглашать гостей?

Молодой Вахрушев, качаясь, вышел из-за стола и направился к хору. Аленка, широко улыбаясь, встала ему навстречу:

– Петр Ксенофонтыч, сокол мой поднебесный...

«Сокол» довольно грубо сгреб ее в охапку, потащил к столу. Там, усадив девчонку себе на колени, потребовал:

– «Верная»! Со свистом желаю! Яков Васильич, давай! Дрогнули гитары. Из второго ряда высоко и звонко взял Кузьма:

Ах ты, верная, да ты манерная,  
Ты сударушка моя!

Хор подхватил. Аленка, спрыгнув с колен купца, поймала за концы шаль, пошла плясать. Вахрушев, расставив руки, пошел за ней. Перед глазами Ильи мелькнуло его красное, лоснящееся лицо с мутными глазами, влажные губы.

– Ну, Петр Ксенофонтыч, да ты лучше цыгана! – подбодрила его Аленка. – Ну, давай, давай, сокол мой!

Тот, недолго думая, пустился под гитары вприсядку. Затрещал паркет, упала и покати-лась по полу бутылка вина, но никто не обратил на нее внимания. Еще две цыганки рванулись со стульев, со смехом потащили плясать толстого Федул Титыча, а тот завопил дурным голо-сом: «Не губите, кромешницы!» Хор хватил еще веселее:

Как чужие женушки – белые лебедушки!  
А моя, братцы, жена – полынь, горькая трава!

Илья пел вместе со всеми, с интересом глядя, как скачут перед хором, подражая цыганам, баташевские гости. Гвалт стоял невероятный. Илья видел, как Баташев, встрепанный и мрач-ный, пытается заставить Настю выпить вина. Та сердилась, настойчиво отводила руку купца:

– Иван Архипыч, грех вам. Сами знаете – нельзя...

– Можно... – глядя в пол, без улыбки, хрипло говорил тот. – Все можно, Настька, все, что хочешь. Пей, не то рассерчаю!

– Не буду, отстаньте... Митро!

– Иван Архипыч, оставьте девку... Не положено ей...

Цыганки носились между купцами; посреди комнаты, блестя зубами, бесом вертелся Кузьма. Потный, запыхавшийся Вахрушев вытопал на паркете последнее коленце и в обнимку с Аленкой плюхнулся на пол в углу. Гречишников с Бажановым еще не сдавались и под подбадривающие вопли Кузьмы продолжали отплясывать «Барыню» с Глафирой Андреевной. Илья едва удерживался, чтобы не расхохотаться: уж очень потешно выглядели высокий, худой как жердь Бажанов и низенький, приземистый, похожий на яйцо Гречишников. Чтобы не упасть, оба цеплялись за Глафиру Андреевну. Царь-пушка стояла скалой, удерживая на ногах обоих кавалеров и поводя плечами в такт. Увесистый Федул Титыч умаялся не в пример быстрее и кулем свалился на диван, увлекая за собой хохочущую Стешку. Та с нарочитой заботливостью начала отпаивать купца шампанским:

– Выпей, Федул Титыч, за мое здоровье... А помнишь, что мне обещал? «Радужную» обещал подарить, все наши слышали! Вы – купец, ваше слово миллиона стоит, неужели бедную цыганочку обидите?

Хозяин дома куда-то делся. Настя сидела за столом одна, переплетала растрепавшуюся косу. Наклонившийся к ней Митро что-то тихо говорил, Настя устало кивала в ответ. Илья покосился на Якова Васильевича, украдкой поскреб голову. С тоской взглянул на плотно закрытые, задернутые бархатными гардинами окна. Во двор бы сейчас, прочь из духоты этой, вздохнуть во всю грудь...

– Скоро уж все, парень, – шепнул кто-то рядом. Илья оглянулся и увидел запыхавшуюся Глафиру Андреевну. Она подмигнула ему: – Видишь, уже скакать пошли, как черти. Верное дело, скоро перепьются да храпеть повалятся. Ох, боже мой, куда катимся... Совсем повыродился народ. Раньше-то не то... лучше было.

– Не бурчи, Глашка, не бурчи, – усмехнулся Яков Васильевич. – И раньше пили.

– Пить-то пили! – вспыхнула Царь-пушка. – Но до риз положения не уклюкивались! Раньше хоть господа были, а сейчас что? Толстосумы охотнорядские! Совсем стыд забыли! Виданное ли дело – домой хор тащить, в своем доме водку пить и с цыганами буянить! Хочешь погулять – милости просим в ресторан, со всеми гостями, и мы рады, и поем хоть до утра! Еще хочешь – просим к нам на Живодерку, сколько раз приезжали, и ночью даже. Всегда всем хором вставали и пели! А в доме у купца разве цыганам место? Надо же и порядок знать! У него ведь здесь и жена где-то... Эдак твой Баташев скоро и в церковь цыган поведет! Вот ты, Яшка, все со мной споришь, а я точно говорю – не в себе он. И раньше блажной был, а как из Сибири вернулся – вовсе...

– Не наше дело, – сквозь зубы процедил Яков Васильевич. – Знаешь, сколько нам за эту ночь заплачено?

– Знаю! – отрезала Глафира Андреевна. – Потому и сижу тут, как баба на самоваре.

– Сейчас ты у меня еще и петь будешь.

Дородная Глафира Андреевна стремительно развернулась к хороводу, сверкнув глазами. Но Илья не успел услышать, что она думает по этому поводу. Входная дверь с треском распахнулась. На пороге появился Баташев. Гитары смолкли. Все головы повернулись к двери. Баташев качнулся, неловко схватился за косяк. Обвел гостей и цыган черными, налитыми кровью глазами. Хрипло сказал:

– Ну – иди! – и с силой втолкнул в комнату молодую простоволосую женщину.

Она пробежала, согнувшись, несколько шагов, не удержавшись на ногах, упала на паркет. Ее ладонь попала в темно-красную лужу разлитого вина. Вскрикнув, женщина отдернула ее, вскинула голову. В серых испуганных глазах стояли слезы.

В комнате воцарилась тишина, прерываемая лишь всхрапыванием заснувшего на диване Матюшина. Цыгане замерли, как статуи. Яков Васильевич тихо выругался, отвернулся.

Из-за стола поднялся Федул Титыч. Несмотря на залитый мадерой сюртук и сбитую набок бороду, он выглядел внушительно и, казалось, даже протрезвел.

– Иван Архипыч, не годится это. Ты здесь хозяин, но и честь надо знать. Бога побойся.

– Меня учить, Федул Титыч?! – нехорошо рассмеялся Баташев. – Я в своем доме! И баба моя! Что хоч, то ворочу, и бояться мне некого! Желая, чтоб она нам «Барыню» сплясала!

При этих словах Баташева разрыдалась. Она плакала отчаянно, закрыв лицо руками, тоненько приговаривая: «Ой, матушка...» Серое платье было не застегнуто, и из-под него виднелась сорочка. Видно было, что муж стащил ее с постели и едва дал одеться. Худенькие плечи женщины дрожали. Светлые косы лежали, рассыпавшись, на паркете.

Гости Баташева были невероятно смущены. Гречишников и Фрол Матюшин, переглянувшись, направились к хозяину. До цыган донеслись их неуверенные увещания:

– Ну что ты, Иван Архипыч... Ни к чему ведь это. Лизавете Матвевне здесь не место. Отпусти ее, сделай милость, да и нам пора уже.

– Никто не поедет! – вспылл Баташев, топнув ногой так, что затрещал паркет. Купцы попятились. Иван Архипыч заорал в голос: – Без моего слова – никто не поедет! Я ее, дуру, без гроша взял, так пусть теперь пляшет! А кто слово поперек скажет – жизни лишу! Трех лишил, брата родного, Кольку, сгубил... так нешто вас пожалею?! Вас, свиньи лабазные?! Мне бояться нечего – слышите? Я людей убивал! Я в реке Иртыше тонул по весне, между бревнами сплавными... Меня лошадь калмыцкая по степи три версты за ногу волокла... Я на топорах с татарами на Каспии дрался... Мне бога вашего на роду не написано! Не смей мне указывать! Лизка, дура, пляши! Убью, кишки выну!

– Свят-свят-свят... – пробормотал побледневший Гречишников. Его блеклые глазки часто моргали.

Баташева, сидя на полу и прижав ладони к вискам, с ужасом смотрела на мужа. При последних его словах затравленно огляделась по сторонам, словно ища защиты. Взгляд ее упал на цыган, встретился с глазами Ильи. Вздвогнув, она прижала руку к губам. В серых глазах мелькнул страх и изумление. Илья растерянно смотрел на нее. Не зная, что делать, на всякий случай поклонился. Все заметили это, но никто даже не улыбнулся.

– Лизка! – грозно сказал Баташев, делая шаг к жене.

Вскрикнув, она упала навзничь. Муж навис над ней, как ворон над мышонком. По толпе цыган пробежал ропот. Илья решительно шагнул из второго ряда. Он сам не знал, что будет делать, но... но не дать же замучить бабу, дэвлалэ!<sup>11</sup>

– Стой... Куда? – зашептали сзади. Чья-то рука крепко ухватила Илью за плечо. Он обернулся, готовый послать к черту любого, но увидел Глафиру Андреевну.

– Стой, – почти ласково повторила цыганка. – Ишь, разлетелся... – и сама не спеша вышла из хора. Когда она подошла к Баташеву, стало видно, что Царь-пушка ничуть не проигрывает купцу первой гильдии по размерам.

– Сядь-ка, голубь сизый, – проворковала она, и в голосе ее послышались грозные раскаты. – Сядь, угомонись, не мечи икру.

– Да ты!.. – взревел Баташев, замахиваясь.

Кто-то из цыганок отчаянно завизжал, Митро и Яков Васильевич бросились вперед, но Глафира Андреевна даже не отшатнулась. Ее смуглое лицо потемнело еще больше.

– Ну, попробуй тронь, – негромко и чуть ли не весело сказала она. – Я тебе не жена твоя. Я, слава богу, цыганка. Горло перерву и кровь выпью.

Она оскалилась, блеснув крупными желтоватыми зубами, сделала шаг вперед, грудью надвигаясь на Баташева. Тот невольно отступил, опустил руку. Неожиданно для всех усмехнулся.

– Смотри ты... Волкиня бешеная!

---

<sup>11</sup> Боже мой.

– О-о, я злее! – заверила Глафира Андреевна, продолжая энергично подталкивать Баташеву к стулу. – Сядь, душа моя, сядь, уймись, вина выпей. Гляди, всех напугал, гости твои уж икнуть боятся. Слову твоему никто не перечит. Сказал жене плясать – будет плясать.

Иван Архипович тяжело опустился на стул. Глафира Андреевна встала рядом, как конвойный. Бледная Баташева, прижимая руки к груди, смотрела на нее. Старая цыганка улыбнулась, взглянула куда-то вбок, и из-за стола поднялась Настя.

Илья впервые видел ее такой рассерженной. Не поднимая глаз, бледная, она быстро прошла мимо купцов, села на пол рядом с Баташевой, накрыла ее своей шалью, вполголоса быстро заговорила:

– Ты не бойся ничего – слышишь? Ничего он не сделает. Платье я тебе застегну, они все пьяные, не заметят... Встань да пройдишь немного, наши подыграют. Совсем чуть-чуть, чтоб он отстал. Позора тут нет никакого. Не тебе, а ему совестно должно быть. Завтра проспится, вспомнит – со стыда умрет... Не бойся, вставай. За меня держись.

Баташева поднялась, цепляясь за локоть Насти. Та, ободряюще улыбаясь, поправила ей платье, перекинула на грудь косы, пробежалась пальцами по пуговицам, застегнув все до самого верха:

– Не плачь. Хорошо получится, увидишь. Пусть потешится.

Лизавета Матвеевна улыбнулась в ответ. Несмотря на вымученность этой улыбки, сразу стало заметно, как хороша молодая жена Баташева. Серые глаза от слез стали ярче, выбившись из кос волосы золотились в свете люстр. Судорожно сжимая в пальцах сунутый Настей платочек, она неуверенно оглянулась на цыган, и снова ее глаза остановились на Илье. Ему на миг даже показалось, что Баташева вот-вот скажет что-то. Но тут окончательно пришел в себя Яков Васильевич. Шагнув к Баташевой, он низко поклонился, поудобнее перехватил гитару:

– Уж пройдитесь, барыня дорогая. Мы все просим! – Широким жестом он указал на хор. Цыгане тут же подхватили, заулыбались:

– Просим... Пожалуйста! Пляши, лебедь белая!

По щеке Баташевой пробежала последняя слезинка. Она смахнула ее, кивнула хороводу. И развела в стороны руки, покрытые алой Настиной шалью. Яков Васильевич быстро повернулся к цыганам, взмахнул гитарой.

«Ах, матушка, грустно мне... – повел низкий, бархатистый голос Марьи Васильевны. – Да, сударушка, скучно мне...»

Дружно вступил хор. Баташева поплыла по кругу. Золотистые волосы падали ей на лицо, но она не убирала их. Гитары участили ход, звонче стали голоса цыганок. Лизавета Матвеевна смущенно взглянула на хор. И снова, снова ее взгляд замер на Илье. Яков Васильев заметил, усмехнулся, громко позвал:

– Илья, дорогой! Уважь барыню!

Растерявшись, Илья чуть было не сказал «не пойду». Но взгляд хоровода был таким, что он не посмел послушаться. И шагнул из хора вслед за Баташевой, в последний миг вспомнив, что нужно скалить зубы напоказ. Она через плечо взглянула на него, улыбнулась в ответ одними глазами, еще блестящими от слез. Хор медленно, протяжно вел мелодию плясовой. Илья шел за женщиной, поднимая руку за голову, кладя каждый шаг след в след за волнующимся подолом серого платья. У Баташевой порозовели скулы. Она плавно повернулась, взмахнула платочком. Илья хлопнул по голенищу, как в таборе, вскинулся в воздух, с отчаянием вспоминая, что совсем не умеет плясать по-городскому. «Да ладно... Сойдет и так, гаджэ пьяные... Яков Васильич сам велел...» Хор гремел, звенели гитары, Баташева кружилась в танце, рядом с ней метался казакин Илья. Слез и в помине не осталось на разгоревшемся лице женщины.

Ах матушка, скучно мне,  
Да сударушка, грустно мне!

Резва ноженька болит,  
Ретиво сердце щемит!

– Ох хорош, сатана... – пробормотал Митро.

Настя, обернувшись из первого ряда, ответила ему восхищенным кивком. Яков Васильев нахмурился чему-то, промолчал.

И вот наконец последний взрыв голосов, последний аккорд, взмах огненной шали. Илья закончил пляску, упав на колени перед Лизаветой Матвеевной, – неделю назад он видел, как точно так же в Большом доме бухнулся капитан Толчанинов перед пляшущей Аленкой. Баташева ахнула, закрывая глаза. Илья весь дрожал от напряжения и непрошедшего страха, не смел облизать пересохших губ. Из хора донеслось: «Ушты<sup>12</sup>, морэ...» Опомнившись, Илья вскочил, юркнул за спины цыган. Вытерев ладонями лицо, долго переводил дыхание.

– Молодец, Илья! Какой молодец! – восторженно зашептал Кузьма. – Не растерялся, все как надо сделал! Да кто бы еще так сумел? Трофимыч, скажи!

Митро медленно повернулся. Взглянув на Илью, усмехнулся так, что тот покраснел, собрался было что-то сказать, но в это время от стола донеслись глухие удары.

– Ну что еще за черт... – устало сказал Митро, оглянувшись на звук. Илья посмотрел через его плечо.

Баташев, с диким взглядом, с всклоченной бородой, со всех сил лупил кулаком по трещавшему столу:

– «Семиструнную» теперь желаю! Ваську хочу! Тысячи не пожалею! Ваську сюда, живо!

От крика звенели подвески на люстрах, прыгали тарелки и бокалы на столе. Краем глаза Илья увидел, что Гречишников и Вахрушевы по стенке пробираются к дверям. Умный Федул Титыч сбежал еще раньше: на подлокотнике дивана сиротливо висел его шелковый галстук. Только спящему на диване Матюшину все было нипочем, и он безмятежно храпел, выводя носом тоненькую фистулу. Баташева, воспользовавшись шумом, выскользнула в сени. Но напоследок все же блеснула серыми, еще влажными глазами из-за двери, и никто, кроме Ильи, не заметил этого.

– Вспомнил все-таки, мать его налево... – проворчал Яков Васильич. – Ну, что делать... Илья, иди пой.

– Да куда же, Яков Васильич? – перепугался Илья. – Он дядю Васю требует!

– А где я ему возьму? – резонно спросил хоревод. – Ступай ты, авось спьяну не разберет. Пой как сможешь, выручай хор.

Илья шагнул к столу. За ним подошли Митро и Петька Конаков с гитарами. Глафира Андреевна присела рядом с Баташевым, обняла его за плечи, притянула к себе:

– Не шуми, радость моя, не буйствуй... Сейчас тебе Васька споет, душа успокоится, сейчас все пройдет... Успокойся, ляжь сюда.

Баташев неожиданно затих. Вздохнул, перекрестился и покорно уткнулся головой в объемистую грудь Глафиры Андреевны. Та успокаивающе погладила его, кивнула цыганам. Мягко вступили две гитары. Илья запел:

Поговори хоть ты со мной,  
Подруга семиструнная.  
Душа моя полна тоской,  
А ночь такая лунная...

---

<sup>12</sup> Встань.

Ему самому нравилась эта песня. Главным, на взгляд Ильи, было то, что почти все слова были просты и понятны. Никаких, слава богу, «восторгов сладострастия» и «жестов законченных страстей», про которые даже Митро не знает, что это такое. Кузьма рассказывал, что эту песню сложил для цыган «один хороший барин» еще лет двадцать назад и дед Якова Васильевича придумал для нее музыку.

И сердце ведаёт мое,  
Отравую облитое,  
Что я впивал в себя ее  
Дыханье ядовитое...

Что такое «впивал», Илья не знал и уверен был, что петь надо «вбивал». Так и спел. В комнате стояла тишина. На Баташева Илья не смотрел, боясь – увидит тот, что не Васька поет, и пойдет снова буянить. Изредка посматривал на стоящего рядом Митро, а тот ободряюще кивал: мол, все хорошо.

Я от зари и до зари  
Тоскую, мучусь, сетую.  
Допой же мне, договори  
Ту песню недопетую...

Смолкли гитары. Илья поднял глаза. Сразу же увидел Настю. Она сидела среди цыганок и в упор, без улыбки смотрела на Илью. «Плохо спел...» – с ужасом подумал он. В лицо бросилась кровь, Илья опустил голову. «Опозорился... Перед ней, перед Настькой... Тьфу, дурак таборный, куда сунулся... Сидел бы и дальше под телегой».

Внезапно в тишину комнаты вплелись какие-то странные звуки. Илья оглянулся.

Баташев все также сидел на стуле, уткнувшись лицом в грудь Глафиры Андреевны. Его могучие плечи вздрагивали. Вместе с хриплыми рыданиями вырывались бессвязные слова:

– Господи, прости душу мою... Пропадать мне... в аду гореть... И за что, господи? Столько лет – за что? Тоска-то какая, боже мой, тоска-а-а...

– Ничего, голубь мой, ничего... – тихо гудела Глафира Андреевна, глядя встрепанную баташевскую голову. – Ада не пугайся, все там будем. Ты поплачь, Иван Архипыч, поплачь, мой дорогой. Сразу отпустит, полегчает, я знаю, что говорю... Ромалэ, ёв мато сыр о джукло, авэньти «Невечернюю»<sup>13</sup>...

– Васька... – вдруг позвал Баташев. Илья неуверенно подошел. Не поднимая головы, Иван Архипович вышвырнул на стол пачку кредиток. – Тебе... Забирай... Всю душу ты мне вывернул... Ох, тоска, хоть бы вы издохли все... И я с вами тож...

Илья взял деньги, сунул за пазуху. Цыгане проводили пачку уважительными взглядами, кто-то весело шепнул: «Бахтало, чаворо!»<sup>14</sup> – а он пожал плечами и, не решаясь взглянуть на Настю, отошел на свое место. Хор тихо запел «Невечернюю». В окне стояла луна. На диване тяжело перевернулся на другой бок спящий Матюшин. На полу красным комком лежала брошенная Баташевой шаль. Глафира Андреевна вполголоса подтягивала хору, продолжая укачивать на груди хозяина дома. Близились утро.

Домой вернулись в шестом часу. Цыгане устали настолько, что даже отложили на завтра дележ денег, и разбрелись досыпать остаток ночи. В нижней комнате Большого дома остались Яков Васильевич, его сестра, Настя, Митро и Глафира Андреевна. Настя дремала за столом,

---

<sup>13</sup> Цыгане, он пьян, как собака, давайте «Невечернюю».

<sup>14</sup> Счастливый, мальчик!

неудобно навалившись грудью на его край. Марья Васильевна сидела рядом с ней, схватившись за голову. Время от времени она воздевала руки к потолку и провозглашала:

– Черт знает что! Глашка! Ну скажи мне, как ты на Баташева кинуться не побоялась? Дал бы раз кулаком по башке – и готово дело! Он ведь правда на медведя с голыми руками ходил! Я бы и то испугалась!

– Хо, ты! – зевнула во весь рот Глафира Андреевна. – Да я против тебя в три раза толще. Попробовал бы он меня тронуть! Не посмотрела бы, что домовладелец и первой гильдии купец. Ух, изверг, так бы и убила! Что с женой делает, поганец!

– Яшка, а тебе как не стыдно? – накинулась Марья Васильевна на брата. – Зачем Илью плясать погнал? Я думала, парень со страха умрет!

– Умрет он, как же... – буркнул Яков Васильев. – Он поумнее нас с тобой будет, не беспокойся. Видала, как эта барыня на него глядела? Видала, как он на колени перед ней упал? А сколько денег ему Баташев сунул? Ваське за то же самое в жизни больше червонца не давал... А ты чего спать не идешь?

Последнее относилось к сидящему на полу Митро. Тот осторожно кашлянул:

– Я спросить хотел, Яков Васильич... Ты Илью как... в хоре оставишь?

С минуту хоровод молчал. Марья Васильевна, отвернувшись, улыбнулась. Яков Васильев, не заметив этого, отрывисто сказал:

– Вот что, дорогой мой... Делай что хочешь, золотые горы ему обещай, уговаривай, – но чтоб он не вздумал обратно в табор рвануть. Ваське нашему рядом с этим подколесником делать нечего. Через месяц-другой первые партии будет вести. Хорошо, что он пока цены своей не знает.

– Уговоришь его, как же! – фыркнул Митро. – Упрямый как черт. Сегодня всеми копытами упирался, никуда ехать не хотел. Настьку пришлось пригнать, чтоб упростила его.

– И что – получилось? – вдруг полюбопытствовал Яков Васильевич.

– А ка-а-ак же... – вдруг сонно отозвалась Настя. Подняв голову со стола, тихо рассмеялась. – На колени пришлось вставать!

– Чего?! – загремел Яков Васильевич.

– Ну, отец! Пошутила я! За рублем серебряным нагнулась, так Илья, бедный, даже испугался... – Настя улыбнулась, вспоминая, помолчала. – Голосу него золотой... Митро молодец, что в хор его привел. А еще они с Варькой такую песню пели... такую... Ну, тогда, вдвоем... Ох, не помню... – На полуслове она заснула снова.

– Отнеси ее наверх, – приказал Яков Васильевич Митро.

Тот взял Настю на руки и пошел с ней к лестнице. За окном уже светало, и на сером небе вычертились голые ветви старой ветлы.

Тем временем в маленьком домике Макарьевны бушевала буря. Варька, взъерошенная и бледная, носилась по комнате, как взбесившийся воробей. Кузьма благоразумно исчез. Илья сидел на нарах, глядя в пол. Смущенно бормотал:

– Варька, ты что... Совсем с ума сошла... И в мыслях не было...

– Не было у тебя?! – кричала Варька. – А зачем тогда устроил такое? Велели тебе – вышел, сплясал, встал на место – все! А ты? Выдумал – на колени падать! И потом сколько еще на гаджи<sup>15</sup> пялился, и она на тебя! Думаешь, я одна видала? Что цыгане завтра скажут? Ну, давай, давай, морэ, как Гришка Дмитриев! Давай!

– Замолчи, дура! – вспыхнул Илья. Вскочив, резко провел рукой по своему лицу: – Не видала меня давно? На что тут пялиться?!

– Не замолчу! – завопила она, оскалив выпирающие зубы, и впервые в жизни Илья испугался сестры. Ему в голову не приходило, что его маленькая, тихая Варька может так орать.

---

<sup>15</sup> Не цыганка.

– Только попробуй! Только посмей! Клянусь тебе, утоплюсь сразу! Не знаешь, что про тебя болтать могут начать? Как жить будем, в глаза цыганам как смотреть?! А если наши, в таборе, узнают?! Совсем ты, что ли, голову потерял, Илья? И совесть тоже? Слава богу, отец не дожил!

Илья молчал. От обиды в горле стоял ком. Оправдываться не хотелось. В чем он был виноват? В том, что пожалел «барыню», эту девчонку зареванную, которую пьяный муж вышвырнул простоволосой на позор перед гостями? В том, что послушался Якова Васильича, что своей пляской заставил Баташеву улыбнуться? А теперь его принимают бог знает за кого, и кто – родная сестра!

Варька поперхнулась, закашлялась, умолкла. В комнате наступила тишина. Стало слышно, как скрипит за печью сверчок.

– Иди спать, – не поднимая головы, велел Илья.

Варька подошла к нему. Где-то под полом скреблась мышь, мутно светлело окно. По мостовой простучала одинокая пролетка.

– Поклянись мне, Илья. Поклянись, что не будешь никогда...

– Чего не буду?

– Сам знаешь. Поклянись.

– Не бойся.

Сестра погладила его по голове. Илья вздохнул; облегченно растянулся на нарах. Варька присела рядом, в изголовье. И сидела возле брата, глядя в темноту, до тех пор, пока не услышала, что его дыхание стало ровным, спокойным. Затем встала, перекрестилась на мерцающую лампадку в углу и пошла к себе.

На следующий день после полудня к дому цыган Конаковых подкатил экипаж купца первой гильдии Баташева. Едва проснувшиеся обитатели Живодерки выбежали на улицу – смотреть, как из запряженной красивым вороным жеребцом «эгоистки», кряхтя, выбирается старший приказчик Баташева Кузьмич. Под мышкой у него торчал завернутый в папиросную бумагу сверток. Серdito оглядев высыпавшихся из дома братьев Конаковых, Кузьмич потребовал:

– Мамашу позовите, черти.

Заспанная Глафира Андреевна выплыла на крыльцо, как пасхальный кулич. Кузьмич низко поклонился ей и протянул сверток, внутри которого оказалась дорогая персидская шаль. Переливающаяся ткань заблестела на осеннем солнце. Глафира Андреевна развернула ее, и из складок выпал сотенный билет. Кузьмич ловко подхватил его, с поклоном поднес цыганке:

– Уж не побрезгуйте взять. Иван Архипыч умоляли за вчерашнее не гневаться и подарочек принять. Сами в ноги кланяются и прощенья просят.

– Да леший с вами обоими, – добродушно прогудела Глафира Андреевна, пряча в рукав деньги и закутываясь в шаль. – Скажи хозяину – пусть в гости наезжает. Рады ему всегда.

Кузьмич поклонился в последний раз, полез в «эгоистку». Вороной тронул, и купеческий экипаж медленно поплыл мимо стоящих с открытыми ртами цыган.

## Глава 3

Прошло недели три. Илья уже не отказывался от работы в хоре. Теперь и он, как остальные цыгане, каждый вечер залезал в черные брюки с золотыми лампасами, ботинки (пришлось купить), затягивался в казакин (пришлось пошить) и вместе с Варькой шел в ресторан. «Своих» романсов у него пока что не было, но Илья не слишком расстраивался из-за этого, довольствуясь пением в хоре. Гораздо худшим ему казалось то, что он совсем не умеет играть на гитаре. В хоре имелась тогда целая плеяда замечательных гитаристов, начиная с Якова Васильева и кончая Кузьмой, который, несмотря на неполные шестнадцать лет, мог творить на маленькой семиструнке чудеса. Иногда по вечерам в домик Макарьевны заходил Митро со своей гитарой. Он и Кузьма садились друг против друга, быстро и ловко настраивали гитары в унисон и играли часами. Митро обычно солировал, Кузьма аккомпанировал. Илья с завистью смотрел им в руки; оставаясь один, снимал со стены гитару, пробовал брать аккорды, но ничего не получалось. Через неделю бесплодных мучений он плюнул на гордость и обратился к Кузьме: «Покажи, чаворо...» Мальчишка, к удивлению Ильи, не стал ломаться и важничать, обрадовался, с готовностью показал положение пальцев для самых главных аккордов: «Вот это – венгерка, самое первое наше дело. Ничего особенного, ты быстро схватишь!»

«Быстро схватить» не получилось. С первых же дней начали саднить пальцы, осчастливленные кровавыми пузырями. Митро, увидев их, схватился за голову: «Ты что, морэ, по три часа с гитарой сидишь?! Понемножку надо, по десять минуточек! Пока сухие мозоли не натрут, не мучай руки!» Илья послушался, дело пошло лучше, и уже через месяц он стоял в хоре с гитарой в руках.

Первый снег выпал в ночь на Агриппину-мученицу. Утром Илья проснулся от бившего в глаза света. Белая занавеска слепила, на потолке плясал солнечный луч. Некоторое время Илья лежал не шевелясь, с удовольствием думая, что никаких дел в это воскресенье у него нет и можно не вылезать из-под одеяла хоть до самого вечера. В доме стояла непривычная тишина – даже на половине Макарьевны не гремели чугунки и ложки.

– Варька! – приподнявшись, позвал он.

Никто не откликнулся. Илья выбрался из постели, начал одеваться. Искать невесть куда заброшенный кожух было лень, и он вышел на крыльцо в рубахе.

Двор был покрыт белой пеленой – лишь под телегой чернели пятна неприкрытой земли да у крыльца топорщилась пожухлая трава. В пронзительно синем небе галдели вороны, на крестах церкви рядами расселись галки. У покосившегося сарая умывалась первым снегом Варька. Она была в длинной таборной юбке, с небрежно связанной косой. Увидев брата, улыбнулась, помахала.

– Илья, иди сюда!

Он подошел. Все лицо Варьки было в снегу: лишь вишнями темнели смеющиеся глаза.

– Дождались, слава богу! Зима! Мороз-то какой, Илья!

– Замерзла, что ли? – подцепил ее Илья. – А еще цыганка!

Варька фыркнула, ничуть не обидевшись. Илья стянул через голову рубаху, захватил в горсти снега, потер плечи. От холода захватило дух. Варька шутя бросила в брата снежным комком. Илья немедленно ответил тем же. Его снежок стукнул Варьку по затылку.

– С ума сошел! – завопила она, вытряхивая из волос снежное крошево.

Усмехаясь, Илья скатал огромный ком. Глаза Варьки стали испуганными.

– Ай! Илья! Не надо!

Она опрометью кинулась в дом. Илья запустил ком ей вслед, но Варька успела юркнуть за дверь, и снежок разбился о косяк.

– Эй, куда? Выходи! – заорал Илья. Прыгнул было к двери, но в это время от калитки кто-то тихо сказал:

– Ой, боже мой...

Илья обернулся. У калитки стояла Настя в длинном собольем полушубке. В пальцах она комкала варежки, из-под подола платья выглядывал меховой сапожок. Накинутая на голову шерстяная шаль с кистями сползла на затылок. В широко раскрытых глазах Насти стоял ужас.

– Илья... Дэвлалэ...

– Что случилось? – испуганно спросил он.

Настя попятилась.

– Илья... Как же ты... Тебе что – не холодно?!

– Да ничего... – растерянно сказал Илья. Машинально провел рукой по волосам, стряхивая с них снежные комки.

– Но как же... – Настя не сводила с него глаз. – Господи, мне в полушубке-то студено!

– Таборные мы, – Илья снисходительно усмехнулся. – Босиком по снегу бегаем.

Настя недоверчиво протянула руку, дотронулась до плеча Ильи. Он вздрогнул, как от удара.

– Ледяной весь, – сердито сказала Настя. – Не фасонь, Илья, иди оденься. Выстудишься, петь не сможешь... Что отец скажет?

– Ах ты, черт бессовестный! – вдруг визгливо раздалось от калитки, и Илья, поморщившись, понял: Стешка. Та вихрем влетела во двор в лисьей ротонде и сбившемся набок платке. Схватившись за голову, заголосила:

– Сдурел ты, что ли, черт таборный?! Совсем совесть потерял! Еще бы без штанов выскочил, хоть бы дам постыдился!

Илья вспыхнул, только сейчас сообразив, что стоит перед Настей голый до пояса. Рубаха висела на тележной оглобле. Илья поспешно натянул ее. Настя наблюдала за ним, пряча в глазах смешливые искорки.

– В дом проходите, чаялэ<sup>16</sup>, – смущенно пригласил Илья.

– Некогда нам, – огрызнулась было Стешка, но Настя с улыбкой взяла ее за руку, кивнула:

– Зайдем.

В горнице Макарьевны было тепло. Войдя, Илья сразу же прижался к натопленной печи. Пахло квасом, мятой, горячим хлебом. Открыв глаза, он увидел посреди стола целую гору золотистых, осыпанных маком бубликов. Тоненько сипел самовар. За столом сидел Митро. Варька суетилась у буфета.

– О Настенька, Стеша! – обрадовалась она. – Садитесь чай пить! Бублики берите, пока горячие!

В сенях затопали валенки, бухнула дверь. В горницу влетел запыхавшийся Кузьма. Смуглая рожица его сияла.

– Нет правды на свете! – убежденно заявил он, одним духом опрокинув в себя чай из стакана Митро. – За что бьют – сами не знают!

– Опять по Сухаревке шлялся? – Митро с сожалением посмотрел на пустой стакан. – Честное слово, выдеру. Что украл?

Кузьма фыркнул, свалился на лавку и, мотая кудлатой головой, захохотал так, что из-за печи испуганно выглянула Макарьевна.

– У-их, Трофимыч... Да воблу же... С лотка... Воблу, говорю, прихватил! А лоточник ух и лютый попался! Лоток бросил – и за мной, через всю Сушку по Панкратьевскому вни-и-из... Не догнал, знамо дело... На Садовой-Спасской оторвался...

– Вобла-то где? – строго спросил Митро, из последних сил пряча улыбку.

---

<sup>16</sup> Девчата.

– Потерял.

– Врешь! Покажи карманы.

Через минуту на столе образовалась горка из тарани, соленых огурцов, моченых яблок, раскрошившихся пряников и пирогов, основательно помятых во время побега через Сухаревку. Виду Кузьмы был довольный донельзя. Демонстративно отвернувшись от сурового взгляда Митро, он уселся верхом на стул и затараторил:

– Ой, что по Москве делается, ромалэ! На Конной татары верблюду продают – истинный крест! Такая вся из себя почти лошадь, только с битой мордой и губа сковородником, как у генеральши Манычаровой. Говорят, эта верблюда никакого овса не хочет, только воду хлещет да плюется на два аршина. Я торговал, чуть было не купил – двух гривен не хватило, экая досада! Пока бегал занимал, купец Ситников с Ордынки перехватил, дочери на свадьбу дарить собрался... В Столешниковом у Агреховой, колдуньи, от снегу крыша провалилась, и из дыры черти повыскакивали. Умереть мне, если вру! Их там с утра с полицией ловят. А еще говорят, что на Большой Полянке Стреминых кухарка третьего дня поросенка родила. Вот ей-богу, поросенка, и с хвостом – этакая стружка! Ох, и народу там! Из Академии приехали, с городовым протокол составляют!

Сочинял Кузьма бесподобно. Еще в первую неделю своего пребывания в Москве Илья услышал от него новость о продаже на Варварке, в лавке мещанина Орешкова, заспиртованного водяного «за смеховые деньги». Закончив свои дела на Конной, Илья заглянул на Варварку: прицениться к водяному. Часом позже, под хохот Митро и братьев Конаковых, он непотребно ругался и грозился убить проклятого мальчишку.

«Дэвла, морэ, да ты кому поверил? – закатывался Митро. – Кузьма же – звонарь известный! Я поначалу и сам попадался! Как он сказал, что на ипподроме моя Звезда первую ставку отхватила – я туда, как на ветре, полетел! После час за этим паршивцем с чересседельником вокруг дома бегал! Так что, Смоляко, ты его не слушай, здоровье береги».

Краем уха слушая небылицы Кузьмы, Илья поглядывал на Настю. Та сидела у другого конца стола, прихлебывала чай из расписного блюдца, разговаривала с Варькой. От горячего ее лицо покраснелось еще ярче, живее заблестели черные глаза. Знакомая вьющаяся прядка, выбившись из косы, дрожала у виска. Вот Настя обернулась, что-то спросила у Митро, мельком взглянула на Илью. Влажно сверкнул белок, блеснули зубы, в раскинутом вороте мелькнула шея – длинная, нежная, смуглая... Чуть не задохнувшись от чего-то непонятного, подкатившего к самому горлу, Илья опустил руку со стаканом. Сидящий рядом Митро искоса взглянул на него, уже открыл было рот – но в это время в окно ударил снежный ком и раздалось дружное ржание братьев Конаковых.

– Окна колотить, окаянные?! – завопила Макарьевна, хватая кочергу.

Поднялся писк, смех, толкотня. Цыгане похватили полушубки и высыпали за порог.

На Живодерке было в разгаре снежное побоище. По одну сторону тротуара сражались хохочущие, с ног до головы залепленные снегом Конаковы и весь выводок сестер Митро; по другую – студенты из развалюхи домовладельца Маслишина. Перевес был явно на стороне последних: Илья увидел огромную фигуру консерваторца Рыбникова, творящего из снега внушительный комок. Через минуту тот полетел в Петьку Конакова. Петька с воплем опрокинулся в сугроб, а над Живодеркой загредел торжествующий бас Рыбникова:

– Со святыми упоко-о-ой!

– Чавалэ, чавалэ, наших бьют! – пронзительно заверещал Кузьма, запуская снежок в живот Рыбникову.

Ответом был целый залп, и вскоре вся улица перед Большим домом утонула в снежной пыли, из которой неслись ругань и хохот. Прохожие испуганно жались к стенам домов, а те, что помоложе, азартно вступали в битву. Макарьевна с кочергой наперевес стояла на крыльце и подавала советы:

– Дмитрий Трофимыч, слева заходи! Бей их, чертей! Стешенька, осторожнее, сзади! Кузьма, леший, вставай из сугроба, застудишься! Да суй, суй ему, дьяволу, за шиворот! Вот так! Ага! Знай наших цыганёв!

В какой-то миг Илья заметил, что Насти нет среди сражающихся. Выпрямившись и делая вид, что отряхивается, он украдкой осмотрел улицу. Насти он так и не увидел, зато получил снежком прямо по физиономии. Холодные комки посыпались за ворот рубахи. Встряхнувшись, Илья обвел диким взглядом улицу и увидел Стешку, строящую ему рожи с другого конца тротуара:

– Пожевал, морэ? Вкусно?!

– Ну, холера! – взъярился Илья. Огромный снежок полетел в Стешку, та с писком увернулась, и снежный ком угодил в спину чинно идущей по своим делам девицы в потрепанной собачьей кацавейке. Девица ахнула, повернулась, и Илья увидел разгневанное курносое лицо.

– Ах! – Она нагнулась, схватила горсть снега, и крепко скатанный снежок вцепился Илье в грудь. Он немедленно запустил комок в ответ, едва успев подумать, что где-то видел эту веснушчатую рожицу и зеленые глаза. Но времени вспоминать не было: в воздухе стояла снежная пурга, звенели крики, смех, веселая брань. В какой-то миг Илья оказался совсем рядом с зеленоглазой девицей. Она стояла спиной к нему, то и дело нагибаясь, лепя снежки и с разбойничьим гиканьем запуская их и в цыган, и в студентов – поровну. Платок она давно потеряла, и рыжая растрепанная коса венником металась по спине. Мимо пронесся Кузьма в распахнутом кожаном, толкнул девицу, та с криком ухватилась за Илью, и вдвоем они шлепнулись в сугроб.

– Ой, крещеные, уби-и-и-ли! – заголосила она так, что у Ильи заложило уши. Потом вдруг стало тихо. Илья испугался было, что оглох, но оказалось, девица просто умолкла и выглядывает у него из-под мышки, блестя хитрыми, как у лисенка, глазами.

– Не зашиблась? – буркнул он.

– Нетути...

– А чего вопишь? Вставай.

– Вставай сам. Придавил, чертяка... Да поднимайся же, Илья!

Он вскочил, как ошпаренный.

– Ты откуда меня знаешь?

Она, не отвечая, улыбнулась, встала на колени, отряхивая косу от снега. Огляделась, ища платок. Тот валялся в двух шагах, затоптанный в снег. Илья поднял его, встряхнул.

– Держи. Ты чья ж будешь?

– Не сопи, не вспомнишь, – рассмеялась девица, повязываясь затвердевшим от снега платком. – Катерина я, горничная Баташевых. Ты-то меня не знаешь, а я видела, как ты у нашего барина на именинах плясал.

Илья растерянно молчал. Горничная смотрела на него в упор, улыбаясь. С круглого разругавшегося лица блестели крепкие зубы.

– А у меня ведь дело к тебе, – вдруг сказала она.

– Ко мне? – не поверил Илья. – Какое?

– Идем, скажу. – И, не дожидаясь его ответа, она пошла по тротуару.

Илья огляделся. Вокруг по-прежнему кипело побоище, никто не обращал на него внимания. На всякий случай Илья поискал глазами сестру. Ее красный платок виднелся в дальнем сугробе, откуда Варьку со смехом вытягивали Аленка и Кузьма. Илья торопливо отвернулся и пошел вслед за рыжей горничной.

За угол они свернули вместе. Едва оказавшись на шумной, запруженной людьми и экипажами Садовой, Илья дернул Катерину за рукав:

– Ну говори, чего надо?

– Больно скорый! – фыркнула она. Остановилась посреди тротуара, оглядела себя, Илью. Звонко, дробно рассмеялась на всю улицу: – Ох, и хороши же мы с тобой! Как есть снежные бабы!

– Зубы не заговаривай! – обозлился Илья, смутно чувствуя, что девица валяет дурака.

Катька закатилась еще звонче:

– Да успокойся, Илья, не съем я тебя, не укушу! А коль боишься – перекрестись, вон церква! Ой, батюшки-светы, умори-и-ил! А еще цыган!

– Не ори на всю улицу! – зашипел он, заметив, что встречные прохожие уже оборачиваются, глядя на них.

– Тьфу, надоел ты мне, – вдруг успокоилась Катерина. Задумчиво осмотрелась. – Что ж, на улице, конечно, поговорить не дадут. Идем в чайную.

В извозничьей чайной – суета, пар, ругань, овсяная солома на полу. У столов толкуются бородатые мужики в синих армяках, зычно орут на половых, требуя чайников и хлеба, за буфетом дремлет ко всему равнодушный хозяин – плешивый Фрол Авдеич в бабьей душегрейке. Катька уверенно лавировала между посетителями, таща за собой Илью. Каким-то чудом она отыскала свободный стол в самом дальнем, темном углу, плюхнулась на давно не скобленную лавку, прищелкнула пальцами. Рядом тут же нарисовался юркий мальчишка с похабной ухмылкой на плоском лице:

– Чего изволите, Катерина Потаповна?

– Сенька, два чайника и пряников! Да живо у меня!

Мальчишка исчез. Илья изумленно проводил его глазами, взглянул на Катьку. Та, как ни в чем не бывало, сняла платок, вытряхнула из волос полурастаявшие комочки снега. Поймав взгляд Ильи, рассмеялась:

– Да чего ты так смотришь? Скидавай кожух, тут тепло. Сейчас чай будет. Э, да ты тоже в снегу весь... – И, прежде чем Илья разгадал ее маневр, потрепала его по волосам. Он отшатнулся. Катька, ничуть не смутившись, погладила его снова, наигранно удивилась: – Смотри ты, а с виду – жесткие, чисто пакля...

Илья молчал. По спине поползли какие-то непонятные мурашки. Уже принесли два исходящих паром чайника, уже Катька, посмеиваясь, впиалась зубами в белый мятный пряник, уже растаял, обратившись в лужицу, снег под их ногами, а Илья все не мог заговорить и даже шевельнуться.

– Цыган, отомри! – наконец рассердилась Катерина. – Что ты, всамделе, как у тещи на блинах? Пей чай, покуда не простыло!

– Скажи сперва, какое дело, – хрипло потребовал он.

Катька фыркнула прямо в блюдце, брызнув горячими каплями.

– Дело куда как важное! Пряников захотела, а денег нетути! Заплотишь за девочку? Вы, цыгане, я знаю, богатые...

– Дура! – сказал он, резко поднимаясь.

Катька вскочила тоже. Тихо, почти шепотом, сказала:

– Сядь, Илюшенька... Сделай милость – сядь, сокол мой...

– Да... чего ж тебе надо? – ошалело спросил он, опускаясь на место.

Катька навалилась грудью на стол, и ее зеленые, смеющиеся глаза оказались совсем рядом.

– Не понимаешь? Эх ты, а цыган ведь... Остальные ваши – нахальные. Ну, да бог с ними, мне не они, а ты в сердце лег. И с чего, спрашивается? Черный, страшный, сатана сатаной... Дура я набитая, Илья, вот что.

– Ты... что такое говоришь? – не веря своим ушам, спросил он.

– Не слыхал, что ли, никогда? – без насмешки спросила Катерина. Придвинулась ближе, и Илья почувствовал плечом ее горячее, плотно сбитое тело под ситцевой кофтой. От Катьки

пахло мятными пряниками, и от этого знакомого, такого привычного запаха у него вдруг пошла кругом голова. Илья отвернулся, украдкой перевел дыхание.

– Тебе годов-то сколько, цыган? – зашептал прямо в ухо вкрадчивый голос. – Двадцать хоть есть? Бабы-то у тебя были?

От подобной наглости Илья даже пришел в себя. Отстранился, довольно зло сказал, что ему двадцать пять, что баб у него немерено и в Москве, и в таборе и что это не ее, Катькино, дело. Все сказанное, кроме последнего, было несусветным враньем.

– А раз такой козырной, отчего меня боишься? Или я совсем никуда не годна? Или нехороша?

– Что ж... хороша, – немного осмелел Илья. Придвинувшись ближе, запустил руку за спину горничной.

Катерина захихикала:

– Ой... щекотно... Ой, не шебуршись, цыганская морда... – И сама прижалась к нему горячим полным плечом. И тут же отпрянула: – Не годится нам тут, Илюшенька. Лучше к ночи приходи. Дом Баташевых в Старомонетном знаешь? Туда и приходи. Я ждать буду.

– С ума сошла? Кто меня туда ночью пустит? У вас дворник... собаки... А если барыня прознает? Сама-то не боишься?

– Чего бояться? – Катька беззвучно засмеялась, уткнувшись носом в его плечо. – Меня ведь не барыня, а сам Иван Архипыч в дом взяли. Знаешь откуда? – Она покосилась по сторонам и чуть слышно прошептала несколько слов.

– Врешь! – поразился Илья. – Чтоб из такого места – в горничные?! К жене собственной?! И... что, не знает никто?

– Нет, – легко ответила Катерина. – А если б и знали – Иван Архипычу то без внимания. Он чужих языков не слушает. Мной они очень довольны, к зиме жалованье обещали прибавить. Им удобнее меня под боком держать, чем каждую ночь на Грачевку к мадам мотаться. А Лизавета Матвеевна, голубушка, ни сном ни духом не ведает.

– Так сколько же... запросишь? – угрюмо спросил Илья.

Катька перестала улыбаться. Глядя в окно, вдруг со злостью процедила:

– Не бойся, не в убытке будешь. Могу сама заплатить.

Над столом повисла тяжелая тишина. Катька сидела надувшись, теребя бусы на шее. Илья искоса поглядывал на нее, не зная, как снова начать разговор. Видит бог, не хотел обижать... За окном смеркалось, снова посыпал снег. Посетителей в чайной стало меньше. Буфетчик, позевывая, вязал на спицах длинный чулок. Мальчишки-половые, как воробьи, сгруппировались у засиженного мухами оконца, что-то тихонько обсуждая. За стеной чуть слышно поскрипывал сверчок.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.